

Михаил Алексеевский, Михаил Лурье, Анна Сенькина

Легенда о памятнике Гоголю в Могилеве-Подольском: опыт комментария к фрагменту локального текста

(Окончание, начало см. в № 11)

4. Легенда о памятнике Гоголю в устных рассказах

О, уж там наговорят! Я думаю, поди только да послушай — и уши потом заткнешь.

Н.В. Гоголь, «Ревизор» (4, IX)

Прежде чем приступить к разбору повествовательной структуры устных рассказов о памятнике Гоголю, стоит в нескольких словах охарактеризовать этот материал. Возрастная амплитуда жителей Могилева-Подольского, от которых были записаны рассказы, оказалась достаточно широкой — от 20 до 68 лет. По образовательному уровню это люди с общим средним, средним специальным и высшим образованием, по сферам профессиональной принадлежности и роду занятий — водитель такси, художник-оформитель, безработный бухгалтер, пенсионерка (бывший врач), гостиничная дежурная (бывшая работница пивзавода), студенты, сотрудники местной газеты, музейные работники.

Михаил Дмитриевич Алексеевский

Государственный
республиканский центр
русского фольклора, Москва
alekseevsky@yandex.ru

Михаил Лазаревич Лурье

Европейский университет
в Санкт-Петербурге
mlurie@inbox.ru

Анна Александровна Сенькина

Российская национальная
библиотека, Санкт-Петербург

Большинство рассказчиков в спонтанной речи употребляли по отношению к данному сюжету слово «история», причем в различных грамматических конструкциях, так что в одних случаях оно реализует значение ‘случай’ («Это тоже история интересная» [2], «Ой, это тоже очень интересная история» [3], «Тут еще такая интересная история есть про этот памятник. <...> Вот я слышала такую историю» [14, Инф. 2]; «Ну я не знаю, я слышал только вот... в таком духе, как... Слышал историю, шо когда его ставили» [10]), в других — ‘происхождение’ («Да, значит, история этого памятника такова» [4, Инф. 1]; «Вот такая вот маленькая история этого памятника» [6]), а в одном случае именно в связи с данным сюжетом возникает даже в значении ‘события прошлого’ («Значить, тому пам’ятнику... тому... Ой, я вже трохи забула, стидно, конечно, шо історію не знати»¹ [9]).

Слово «легенда», вполне характерное для книжных изложений сюжета о памятнике, в устных текстах встречается лишь дважды [1, 4], да и то в обоих случаях это скорее всего связано с употреблением его в печатном тексте-источнике [Горобець 1993]. При этом выбор «жанрового» обозначения повествования никак не коррелирует с представлениями об истинности / вымышленности упоминаемых в нем событий, поскольку этот вопрос, судя по всему, вообще не слишком интересует наших информантов — опять же, в противоположность публицистическим версиям, для авторов большинства из которых он достаточно принципиален (см. об этом во 2 главе настоящей статьи).

Некоторые из рассказчиков указали на то, что слышали историю о памятнике в школе («С детства знали, это в школе еще рассказывали» [2]; «Я чула подібну історію, коли вчилась у школі (№ 3)» [5]), некоторые информанты ссылались на краеведческие публикации [1, 2, 4], причем один из последних при этом отметил, что история «как бы передавалась здесь. Она никуда не девалась из этого города» [4, Инф. 1]. Из соображений гиперкоррекции мы не будем заведомо настаивать на том, что этот материал представляет «устную традицию» или «городской фольклор» Могилева-Подольского. Поскольку сюжет легенды в том или ином виде рассказывается ученикам в школах и публикуется в местной прессе и краеведческой литературе, то для поддержания этого знания в городском сообществе нет необходимости в непрерывной фольклорной трансмиссии классического образца — передаче «из уст в уста». Иначе говоря, нельзя исключить, что история о памятнике могла быть единожды услышана на уроке или прочитана в печатном варианте

¹ Авторы статьи благодарят за помощь в расшифровке записей на украинском языке Михаила Красикова (Харьков).

каждым из наших информантов и что невелика вероятность таких контекстов, в которых эти рассказы воспроизводились бы жителями города в «естественном», «спонтанном», «внеинституциональном» общении между собой. Несомненно лишь одно: в Могилеве-Подольском данный сюжет известен людям различных возрастов и профессий в качестве одного из компонентов знания о городе. Таким образом, наш полевой материал репрезентирует то, что у могилевчан если не «на языке», то во всяком случае «на уме».

4.1. Устные версии книжной истории

Выше мы подробно разобрали изложения легенды о памятнике Гоголю в прессе и краеведческих изданиях (см. 2 главу). Поэтому теперь, обращаясь к рассказам, записанным нами от жителей города, прежде всего посмотрим, как соотносится состав повествовательных элементов в печатных и устных текстах.

Сюжет легенды во всех его печатных реализациях имеет достаточно очевидную двухчастную структуру: первая часть вмещает события, связанные с представлением «Ревизора» в местном театре, вторая — события, связанные с установкой в городе памятника Гоголю. Последовательность их в фабульной структуре (но не обязательно — в композиции конкретных нарративов) является строго закрепленной. Обозначим эти два повествовательных блока соответственно «Спектакль» и «Памятник».

Поскольку прагматика воспроизведения легенды в настоящее время имеет устойчивый этиологический характер, второй из обозначенных блоков, по логике вещей, является в некотором смысле основным (невозможно рассказать, откуда в городе взялся памятник, не рассказав о памятнике), по крайней мере, можно предположить, что он должен характеризоваться большей стабильностью. При этом по своему эстетическому потенциалу (т.е. по внутренним возможностям для варьирования, детализации, разработки характеров, развертывания описаний, использования различных риторических приемов и т.д.) сюжет о происшествии на спектакле, безусловно, выигрывает. Если же учесть, что связующий сюжетные блоки мотив (*Горожане решают установить памятник Гоголю*) формально, т.е. по времени и месту действия, попадает в первую часть рассказа, то вторая и вовсе оказывается почти факультативной и может быть свернута до сообщения о том, что памятник действительно установили, или же заполняться не добавляющей ничего к основному сюжету фактологической информацией о подробностях этого процесса (из чего исполнен постамент, где заказали бюст, как скоро был поставлен памятник и т.д.). Кроме того, вполне очевидно, что на первую часть, в которой изображается

недостойное поведение осмеянных хозяев города и моральное торжество над ними демократического сообщества граждан, падает основная социально-идеологическая нагрузка, особенно актуальная для публицистического и педагогического дискурсов советской эпохи. Наконец, именно «театральный» сюжет этой истории имеет за плечами богатую литературную традицию (см. 3 главу), во многом определившую направления его художественной разработки.

Поэтому вполне естественно, что именно рассказ о спектакле во всех без исключения печатных вариантах занимает основное место по объему и заметно доминирует в плане повествовательной насыщенности и художественной выразительности. Если вычленить сюжетные элементы (мотивы), составляющие в печатных изложениях сюжетный блок «Спектакль», то их полный реестр, в некоторых текстах полностью и реализованный, будет выглядеть следующим образом:

1. *Актеры уподобляют образы сценических персонажей (их внешность, манеры, имена и т.п.) представителям местной элиты.*
2. *Зрители узнают в персонажах их местных прототипов / Представители местной элиты узнают в персонажах самих себя.*
3. *Представители местной элиты требуют прекратить спектакль.*
4. *Представители местной элиты устраивают драку с актерами.*
5. *Представители местной элиты покидают театр.*
6. *Горожане решают установить памятник Гоголю.*

Однако в рассказах, записанных от горожан, все обстоит во многом иначе. Из четырнадцати имеющихся в нашем распоряжении текстов истории о памятнике Гоголю (включая одну самозапись) какое-либо упоминание о спектакле присутствует лишь в восьми вариантах, которые при этом заметно отличаются, помимо прочего, и по составу повествовательных мотивов — как от опубликованных текстов, так и между собой. Приведем сначала соответствующие фрагменты тех пяти рассказов, в которых набор сюжетных элементов наиболее близок к печатным вариантам, расположив тексты в порядке убывания количества содержащихся в каждом из них мотивов.

Группа, которая решила поставить здесь «Ревизора», они умышленно вместо фамилии, которую придумал автор, взяли фамилии того же градоначальника, полицмейстера, того же Хлестакова. В котором находится краеведческий музей — будинок Гальперина, тот же Гальперин — это образно Хлестаков. И они, значит,

берут имена всех помещиков, которые были в Могилеве. И можете себе представить, что вот это вот действие высмеивается с теми фамилиями, которые и смотрят это. И беднота, и население, и эти же помещики смотрят «Ревизора». И сначала вскользь, ну а потом уже громким текстом называют фамилии. Когда уже как бы серьезно начинается, переходят частично к юмору, это когда действие уже хорошо разыгралось, они уже хорошо называли фамилии, и народ просто ухахатывался в присутствии этих же помещиков. Понятная реакция: они потребовали остановить выставу... остановить показ... ха-ха, действие. И беднота, народ протестуют: показывайте дальше! Ну, и заканчивается тем, что они между собой начинают драться. Да, произошла такая хорошая драка, мешанина там, и один из толпы, не указывается кто, скорее всего обычный смертный, высказывает и говорит: «Давайте на честь выдающемуся писателю поставим в нашем городе памятник». И в шляпу полетели и монеты, и украшения, и деньги [1].

Сюжетные элементы: 1, 2, 3, 4, 6.

Это тоже история интересная, у нас до революции был театр очень хороший в городе... И в этом доме жил городничий. Где музыкальная школа сейчас, там жил городничий. Ну и вот, артисты театра поставили «Ревизор». (Это уже не позапрошлый... какие это года, я не ориентируюсь. Если уже Гоголя ставили, то это было девятнадцатое столетие.) Но персонажи взяли — местную власть, тут всех чиновников местных. И когда поставили, уже стало явно известно, кто есть кто на сцене, то городничий просто поднялся и с семьей ушел. Это так понравилось всем жителям, что собрали деньги и поставили памятник Гоголю <... > [2].

Сюжетные элементы: 1, 2, 5, 6.

И однажды труппа театральная приехала в город, ну из Каменец-Подольской губернии нашей, Подольской. Приехала труппа театральная поставить пьесу «Ревизора»... Гоголя «Ревизор». В местном драмтеатре, тоже это здание сохранено, где проходила эта пьеса. Начался спектакль, и жители местные увидели, что все чиновники, которые играют на сцене... А у них не хватало артистов, они даже одалживали костюмы у местного населения, тогда некоторые роли подыгрывали. И эта пьеса настолько возродила живой интерес к Гоголю, шо до конца спектакля по залу пошла шляпа для сбора денег, чтобы построить этому гениальному писателю-драматургу памятник. <... > Городничего они увидели почти своего в пьесе: ну точно как наш, ну точно, ну такой же, ну такой же [3].

Сюжетные элементы: 1, 2, 6.

Инф. 1: *Здесь, в Могилеве, местный театр поставил «Ревизор». Значит, этот городской голова, со свитой сидели в первом ряду, демонстративно поднялся и, это самое, и покинул зал, то есть он считал, что это всё как бы идет...*

Инф. 2: *С намеком.*

Инф. 1: *Да. Поэтому, значит, люди кто-то, когда увидели такое дело — прервался спектакль, и люди пошли с шапкой просто, и все жители — ну, тогда тоже ходили в театр, я думаю, не самые бедные в то время — они собрали деньги [4].*

Сюжетные элементы: 2, 5, 6.

На одному з уроків російської літератури, ознайомлюючи нас із творчістю М.В. Гоголя, наша вчителька (досить досвідчена і начитана людина), розповідала, що трупа місцевого театру поставила п'єсу «Ревізор», і всі глядачі впізнали в головному герої керівника міста [5].

Сюжетные элементы: 2.

Теперь посмотрим, от кого были получены эти пять текстов. Первый, содержащий наиболее подробное описание происшествия на спектакле и единственный, в котором присутствует мотив драки между персонажами и их местными прототипами, записан от сотрудницы краеведческого музея [1] (заметим, кстати, что, хотя интервью записывалось не в музее, а в гостиничном дворике, оно во многом походило на лекцию или экскурсию). Далее следуют фрагменты интервью с сотрудницей Могилев-Подольского районного дома народного творчества им. М. Руденко [2], работником районного отдела культуры [3], сотрудниками редакции главной городской газеты «Слово Придністров'я» [4]. Нам ничего не известно о профессии могилевчанки, приславшей нам текст [5], зато есть указание, что он был услышан ею в школе от учителя русской литературы. Шкалу представленности сюжетного блока «Спектакль» можно условно соотнести со шкалой принадлежности самих информантов и / или их непосредственных источников соответственно к сфере краеведения, журналистики (городским СМИ) и образования — основных институтов, профессионально отвечающих за производство, трансляцию и пропаганду знаний о родном крае (городе), поддержание местной идентичности и воспитание локального патриотизма.

Поэтому не удивительно, что именно процитированные выше варианты истории, хотя и в разной степени, наиболее близки к книжным ее изложениям — так сказать, книжнозависимы. Более того, можно заметить, что их непосредственными или опосредованными источниками являются именно публикации

в краеведческой литературе, а не газетные статьи¹. Из пяти фрагментов в двух содержится практически прямые указания на источник — книгу М.П. Горобца [Горобець 1993]. Так, сотрудница краеведческого музея прервала историю о памятнике Гоголю сообщением о «местном» предке писателя («Одна из этих театральных групп, которая ставила постановку Гоголя... “Ревизор”. Можно еще к этому добавить, что Николай Васильевич Гоголь имеет здесь своего предка — Евстафий Гоголь, который был командиром могилевского полка казачьего, в который входили не только могилевские казаки, но и Ямполья, и Евшанки» [1]), а впоследствии прямо указала на книжный источник своего знания: «Причем у нас сильно занимался краеведом Горобец, он и литературу знает, и искусствовед. Он сделал такие короткие статьи, исторические, по таким крупным историческим особам и писателям» [1].

Другой рассказчик, журналист районной газеты, тоже вспомнил о полковнике Гоголе и краеведе Горобце: «Да, кстати, прадед Гоголя, Остап Гоголь, вот, он был, значит... Это же было Приднестровое казачество. Вот границы империи вот Остап Гоголь вот как раз охранял в нашем городе, в Могилеве-Подольском. И тоже в библиотеке... Был такой у нас тоже человек, который занимался поиском путей, как бы наших корней, вот. Умер, был тоже корреспондентом “Вінничини”, Горобец Никола Афанасович покойный. Вот он много очень работал в архивах, вот, он раскопал даже портрет Остапа Гоголя» [4, Инф. 1]. Напомним, что именно в книге М.П. Горобца обоим Гоголям посвящен один общий очерк, что и объясняет столь устойчивую логику ассоциаций.

¹ Этому есть объяснение. Местные газеты читают многие, но прочитанное в них, по крайней мере если его содержание лишено яркой сенсационности или достаточной меры злободневности, редко запоминается надолго, еще реже переходит в устойчивое устное бытование и практически никогда не перечитывается. Тематические вырезки, хранящиеся в библиотеке, оказываются востребованы крайне редко и «по случаю»: самими сотрудниками библиотеки при подготовке тематических выставок, а также иногда краеведами и журналистами для работы над новыми публикациями на эту тему (см. во второй части об очерках А. Подолинного и А. Алешкина). Читательская аудитория книг, сборников и брошюр, посвященных историческому прошлому, природным и культурным памятникам местного края, значительно уже и состоит в основном из представителей местной интеллигенции, т.е. почти исключительно из самих краеведов, школьных педагогов, журналистов и работников отделов культуры. Зато к этим изданиям обращаются регулярно, для сотрудников библиотек и музеев это, как правило, настольные книги (к тому же именно в этих учреждениях их обычно продают), их используют не только другие авторы очерков краеведческого характера, но и учителя при подготовке уроков, методических пособий (см. во второй части о рассказе про памятник в брошюре учителя истории А. Горобца), при руководстве написанием школьных рефератов по истории и культуре места. Таким образом, материал местных краеведческих изданий постоянно оказывается востребованным и соответственно «обновляется» в сознании прежних и обретает новых читателей, которые посредством музейно-экскурсионных и образовательных мероприятий транслируют его на более широкую аудиторию, аудиторию слушателей — потенциальных «носителей» этого знания, каждый из которых при случае может вербализовать его в виде искомого «устного нарратива».

Итак, варианты легенды, содержащие более или менее развернутую первую часть «Спектакль», записаны от представителей городской интеллигенции, имеющих или имевших прямое отношение к сфере культуры и образования и соответствующим учреждениям, и восходят (непосредственно или опосредованно) к версии, институциализованной печатным словом или словом учителя.

4.2. *За что наказан городничий*

Таков первый результат анализа полевых записей легенды — в общем, достаточно предсказуемый. Второй, более неожиданный, состоит в том, что в устных рассказах о памятнике красивая история скандала, разыгравшегося в театре, не только не становится «ударным местом» (чего, казалось бы, можно было ожидать), а оказывается элементом необязательным и даже, по-видимому, избыточным. Можно сказать, что первый сюжетный блок уходит из рассказов по мере их социального отдаления от печатных источников. В трех оставшихся текстах из тех восьми, в которых вообще упоминается спектакль, это в буквальном смысле только упоминания, причем не о случившемся на представлении происшествии, а лишь о самом факте постановки. Таким образом, в этих вариантах отсутствует главный нерв книжного извода истории — изображение / узнавание городских чиновников и помещиков в сценических персонажах (сюжетные элементы 1, 2), а потому и идея поставить памятник писателю (и / или выбор места) мотивируется не инцидентом в театре, но какими-то другими причинами.

Например, в двух рассказах сообщается о том, что *городничий запретил спектакль*, причем в одном случае — уже состоявшийся («И первая премьера “Ревизора” на Украине была здесь», а «они запретили — ну естественно, происходил тогда... Вы читали “Ревизор”, помните, о чем, да?» [6]), в другом — планируемый («Это интеллигенция как бы попросила, чтобы приехали артисты и показали “Ревизора”, а этот запретил, городничий» [7]). Кстати, и в одном из цитированных выше пяти текстов, включающих рассказ о спектакле, обида градоначальника на посмеявшихся над ним актеров и идея установки памятника выносятся за пределы театральной части сюжета и также опосредуются запрещением, причем не одной постановки, но всей деятельности театра: «Після такого випадку цей “вдячний” керівник заборонив театру працювати. На знак підтримки акторів, які втратили свій театр, жителі міста поклали пам’ятник Гоголю» [5]. Таким образом, в устных рассказах обнаруживается логика, согласно которой решение установить

памятник стало непосредственной реакцией горожан на репрессивный акт городничего по отношению к театру, чего не подразумевается в книжной версии (достаточно единой с точки зрения сюжета при всех имеющихся разночтениях).

Наконец, еще в одном из текстов, упоминающем спектакль, грех чиновника по отношению к городу и Гоголю состоит вообще не в реакции на театральную постановку, а в том, что он *не поддержал материально инициативу горожан поставить сатирику памятник*: «Коли Гоголь написав “Вечера на хуторе близь Діканькі”, сюда приїхали спектакль ставити. Мєсним жителям дуже понравілось і... А раніше мерія сиділа там вот, там, от, де памятник Гоголя. Сейчас музикальная школа там. Там мер сидів, вони приходили до мера і казали: давай гроші, ми поставим памятник Гоголю, і він не хтїв» [8]. В последнем случае само содержание спектакля оказывается вовсе не задействованным в логике развития событий, в результате чего, как выясняется, даже инсценируемое произведение во всей этой истории может стать переменной позицией.

В остальных шести устных рассказах вовсе не сообщается о постановке какого-либо гоголевского произведения: эта позиция начисто отсутствует в нарративах. Идея поставить памятник именно Гоголю, тем не менее, регулярно мотивируется его репутацией писателя-сатирика, обличителя социальных пороков и, в частности, злоупотреблений местных властей. Приведем выдержки из двух рассказов:

Инф.: *Значить, тому пам'ятнику... тому... Ой, я вже трохи забула, стидно, конечно, шо історію не знати. Значить, у тому домі жив якийсь тіпа управляющий Могільова-Подольського і збирав дуже великі податки. А Гоголь написав тоді був... Шо він написав... шо збирали податки?*

Соб.: «Ревізор»?

Инф.: «Ревізор». Написав «Ревізор». І дуже збирав великі податки [управляющий] [9].

Инф.: *Ну я не знаю, я слышал только вот... в таком духе как... слышал историю, шо когда его ставили, ну типа там с намеком поставили. <...> То вроде бы, когда они его ставили, они его, вроде, поставили с как-то там намеком этому городскому голове.*

Соб.: А почему именно Гоголю — как намек?

Инф.: *Ну, не знаю, может из-за его, как говорится, вот этих... есть же у него такие вот про чиновников произведения — «Нос», там, ну я не знаю, какие... еще там какие-то [10].*

В некоторых вариантах сообщается об особой ненависти к Гоголю могилевского градоначальника, имевшего с писателем едва ли не личные счёты:

Соб.: *А почему именно Гоголю?*

Инф.: *Там жил один, говорят. <...> Там какой-то жил не то могилевский... Это было до войны, до революции. Которому Гоголь насолил своими произведениями, и он неистовал. <...>*

Соб.: *Так а зачем поставили-то?*

Инф.: *Специально.*

Соб.: *Специально?*

Инф.: *Да.*

Соб.: *А кто поставил?*

Инф.: *А это еще когда-то до революции.*

Соб.: *То есть это какие-то его враги были?*

Инф.: *Может быть. Может быть. Но я слышала, что поставили только потому, чтоб ему насолить. Он терпеть не мог эти повести Гоголя. Этого «Ревизора». Видно он был... рыло в пуху — ему поставили Гоголя перед окном [11].*

Здесь был... Очень давно. Здесь был градоначальник. Вот. И шо-то они, я не знаю, шо там было вот, но он его очень не любил. И вот Гоголь на него пасквили какие-то писал или шо [12, Инф. 1].

Итак, если соотнести все устные изложения легенды, включающие и исключают первый сюжетный блок («Спектакль»), мы находим «в сухом остатке» лишь один стабильный мотив, присутствующий во всех устных вариантах истории (как близких книжной версии, так и далеких от нее) и обеспечивающий их единство на уровне сюжетной логики. Горожане устанавливают памятник Гоголю *назло градоначальнику*. Даже в тех двух текстах, где о мотивах установки памятника прямо не сообщается, идея *наказания местной власти* имплицитно присутствует: в одном из них сообщается, что жители города не любили своего градоначальника (в неточном воспроизведении текста — он «был не очень хорошим») [13], в другом — что над ним «пошутили» [14, Инф. 2]. Теперь имеет смысл подробнее рассмотреть, в чем конкретно состоит и как вершится это наказание. Таким образом, мы переходим к анализу той части сюжета, которая обозначена нами как «Памятник».

4.3. Куда смотрит Гоголь?

Главное, что обращает на себя внимание в тех фрагментах рассказов, в которых говорится непосредственно об установке па-

Рис. 1. Памятник Гоголю в Могилеве-Подольском, на заднем плане — здание бывшей музыкальной школы.

мятника, — это стабильно присутствующее в них указание на место его установки. При этом ни в одном не упоминаются названия улиц: для этой истории важен не адрес, а то, что памятник нарочно поставили напротив дома, где на тот момент обитала местная власть, — особняка городничего или здания городской администрации (см. рис. 1).

Потом по городу... После спектакля по городу собрали денег. Потом собрались вместе, и где ж поставить? Где?! <...> А прямо перед балкончиком нашего городничего [3].

Соб.: Нам рассказывали какие-то интересные байки про памятник Гоголю, который стоит... Ты не слышал?

Инф.: Ну, я не знаю, я слышал только вот... в таком духе, как ... Слышал историю, шо когда его ставили, ну типа там с намеком поставили. Там рядом здание находилось городской управы, ну так оно называлось. Управа или магистрат [10].

Инф.: И они взяли собрали деньги и поставили памятник, шоб смотрел на его дом. <...> А потом сделали уже музыкальную школу с этого дома. <...>

Соб.: То есть это ему специально в назидание привезли...

Инф.: А памятник, да, в назидание, поставили. Чтобы он еще даже с окна видел этот самый... Гоголя [7].

В последнем тексте мотив намеренной установки памятника напротив дома главы городской власти уточняется указанием на ракурс его расположения, стабильно выражаемым экспрессивной художественной деталью: памятник расположили так, что *Гоголь смотрит на окна дома городничего*. Эта повествовательная подробность, реализуемая как риторический пуант, содержится в большинстве рассказов, является их «общим местом», что свидетельствует о лежащей на ней важной смысловой нагрузке:

Собрали деньги и поставили памятник Гоголю, и поставили именно здесь, чтобы он смотрел на дом городничего [2].

И Гоголь, который смотрит на дом городничего, — просто там городничий запретил «Ревизор» [7].

И поставили этот памятник именно в том месте, где находится его дом. И он развернут, и он смотрит ему в окна, то есть в окна его особняка, вот [4, Инф. 1].

Инф.: А раньше меря сиділа там вот, там, от, де памятник Гоголя. Сейчас музыкальная школа там. <...> І месні жителі скинулись деньгами і поставили памятник Гоголя іменно там, і Гоголя... І памятник дивиться лицем до..., прям в вікно там, де мер сидів. <...>

Соб.: Потому что он денег не хотел давать?

Инф.: А еслі б дал деньгі, то би десь в другому б якомусь месті би поставили [8].

Инф. 1: И вот взяли поставили памятник Гоголя, шоб он смотрел на дом, где жил этот градоначальник. А там была музыкальная школа. Зараз я не знаю, шо там.

Инф. 2: *Я не знаю, там зроби́ли ремонт, але чи музикальна́я, чи шо, я не знаю.*

Инф. 1: *Я не знаю, шо там. Там была музыкальная школа, и вот на эту, дом градоначальника, смотрит Гоголь — как напоминание. Вот [12].*

Этот наглый, видите, писатель, смотрит теперь на него. Который написал о нем — так он говорил, о нем [3].

В этом ряду особого внимания достоин уже цитировавшийся выше рассказ сотрудницы краеведческого музея, сопроводившей и вторую часть истории ссылкой на краеведческую публикацию: «И с тех пор вот смотрит, как раз его так развернули, на этот же дом градоначальника. Сейчас там находится музыкальная школа, но, по легенде такой этого же краеведа, в одно прекрасное утро этот градоначальник выходит на свой балкон и видит лицо своего злейшего врага с такой иронической ухмылкой» [1]. Дело в том, что в очерке М.П. Горобца, на который ссылается рассказчица, эпизод с выходом городничего на балкон, как и указание на установку памятника напротив его дома, как раз отсутствует. Впрочем, такая «неточность» объясняется просто: в рассказе совместились стремление музейного работника держаться авторитетного источника и желание рассказчика ввести в свое повествование эффектную сцену, характерную для устных реализаций легенды (подробнее о ней см. ниже).

То, что ключевым моментом многих устных текстов, получающим в рассказах наибольшую экспрессивную окраску, становится указание на то, куда «смотрит» Гоголь, прямо соотносится с упомянутым выше мотивом наказания главы местной власти: по-видимому, самый изощренный способ проучить городничего — направить на его окна пронизательный взор великого сатирика. Такой сдвиг повествовательного акцента, в свою очередь, закономерно приводит к некоторой сюжетной трансформации: в фокусе повествования оказывается не факт установки монумента, а эпизод, когда жители города разворачивают памятник лицом к дому градоначальника, ср.: «Это, установили — ночью пришли, этот памятник повернули к нему лицом» [14, Инф. 2]. Такой вариант сюжета встречается в устных рассказах дважды. Кроме того, в несколько иной интерпретации сообщение о разворачивании памятника присутствует в очерке Алешкина: «Портрет декілька раз повертали обличчям до його вікон, тому що жандарми відвертали скульптуру генія в зворотній бік від очей “шановного” панства» [Альошкина 2008: 146]. Выше (см. последний цитируемый фрагмент интервью) мы видели пример того, как в рассказ, строго ори-

ентированный на печатный источник, незаметно для самого повествователя прорывается типичный «устный» мотив. В данном случае перед нами не менее характерный для трансмиссии локального текста случай, когда автор вводит эффектный фольклорный элемент в краеведческий текст, претендующий на историческую достоверность.

Наконец, среди записанных текстов легенды есть и такой, согласно которому Гоголя, наоборот, намеренно не поставили лицом к тем, кого хотели проучить:

Инф. 1: *Он повернут к музыкальной школе старой лицом, а спиной повернут к мебельному магазину, потому что в мебельном магазине когда-то, во времена жителя Гоголя, там обосновывалась, как бы правильно сказать, государственная власть. Да. Царственная.*

Инф. 2: *Вот где музыкальная школа, там был театр.*

Инф. 1: *А там был театр. Вот. И первая премьера «Ревизора» на Украине была здесь.*

Инф. 2: *В Могилеве.*

Инф. 1: *Вот. И поэтому он повернут спиной к правлению царскому, потому что они запретили [6].*

Этот текст отличается от остальных в двух отношениях. Во-первых, зданий, на которые памятник ориентирован, здесь не одно, а два, причем второе наделяется позитивным значением. Во-вторых, логика расположения памятника в этом варианте меняется на противоположную: он не «смотрит» на начальство, а «отвернулся» от него или даже «повернулся задом». Как всякий выбивающийся из общей схемы случай, этот рассказ вдвойне показателен: при всех отличиях от основной версии устных изложений легенды в нем сохраняется ее общая логика, предполагающая знаковое истолкование позиции памятника относительно определенных объектов городского пространства как реплики жителей, адресованной городским властям.

4.4. Инфаркт секретаря горкома

Завершая разбор вариантов легенды в рассказах жителей Могилева-Подольского, мы хотим остановиться на двух повествовательных мотивах, не обязательных с точки зрения фабульной структуры сюжета, но весьма важных для понимания некоторых закономерностей его устной реализации. Приведем фрагмент одного интервью с небольшими исключениями:

Соб.: *Слушайте, девушки, а вот, еще интересно такая штука: у вас здесь памятник Гоголю стоит.*

Инф. 1: Да.

Соб.: Нас так удивило...

Инф. 2: Есть, да. Тут еще такая интересная история есть про этот памятник. <...>

Инф. 2: Вот я слышала такую историю, как будто... В каком году памятник поставили? Я уже не знаю, много лет назад. Мне кажется, что еще в советские времена, вот. И получается, памятник в какую сторону смотрит, в сторону проспекта или в сторону эту?

Инф. 1: Мне кажется, в сторону... Я даже не знаю.

Инф. 2: Ну, скажем, сторону центра. И получается, в советские времена, я не знаю, как назывались... Когда вот, сейчас мэры, да. Ну, как? Первый секретарь горкома, или как?

Соб.: Да, секретарь горкома.

Инф. 2: Да. Его квартира, этого вот секретаря, была вот именно, выходила на памятник Гоголю.

Соб.: Ага.

Инф. 2: Установили этот памятник, и получается, спиной к его квартире, вот. И сделали такой приколом. Ночью. <...>

Инф. 2: Короче, установили памятник как-то спиной к нему. Это, установили — ночью пришли, этот памятник повернули к нему лицом. И когда его... он вышел утром на балкон, там, покурить или что. И когда он увидел — этот памятник смотрит, у него был инфаркт или что-то такое случилось. Пошутили.

Соб.: Здорово.

Инф. 1: Ну, что еще...

Соб.: Молодцы, ребята.

Инф. 1: Сработали.

Соб.: А зачем?

Инф. 1: Просто пошутили.

Соб.: Потому что они такие добрые?

Инф. 1: Чувство юмора было хорошее [14].

Приведенный текст замечателен не только трогательным приурочением истории к советской эпохе, обладающей в сознании юных могилевчанок достаточной степенью баснословности, для того чтобы выступить в качестве «эпического времени» действия легенды. Помимо этого в нем содержится весьма примечательная деталь: реакция персонажа-жертвы не сводится, как в некоторых других рассказах, к изумлению или возмущению: она описана как сильнейшее внезапное потрясение с ра-

дикальными последствиями. Можно было бы расценить фразу об инфаркте как чисто риторический элемент, троп, нечто вроде гиперболы, но и в этом случае нельзя не признать, что она играет весьма существенную роль в композиции нарратива: это, безусловно, ударный момент, кульминация, к которой стремится весь рассказ. В подтверждение сказанному приведем еще два фрагмента из наших записей:

С этой музыкальной школы, маленький балкончик, он выходил отдыхать, видите ли, и жена выходила. И однажды утром... <...> Городничий, когда утром выходил зарядку делать, он увидел и упал в обморок. [Все смеются] [3].

І на ранок... Балкон його виходив сюда, на дорогу. І на ранок, кажуть люди, поставили пам'ятник — він як вийшов, і щось з серцем йому погано зробилось, бо зразу поняв... [Все смеются] [9].

Несколько сходное (хотя и без медицинских подробностей) описание реакции городничего на памятник присутствует и в наиболее подробном из печатных изложений легенды: «Вернувшись з губернії, він буквально отетерів, побачивши перед своїми вікнами ненависного йому автора “Ревізора”» [Пілецький 1984]. Однако в обширном тексте статьи это лишь одна из выразительных деталей, далеко не самая запоминающаяся в контексте довольно многочисленных ярких подробностей (таких, например, как надкушенное ухо отца академика Гудзия, ощущения увидевшего себя на сцене городничего, драка «прототипов» с персонажами, сыплющиеся в шапку денежные знаки различного достоинства и т.п.). В устных же рассказах момент шока, испытанного градоначальником, внезапно оказавшимся визави с Гоголем, всегда намеренно акцентируется рассказчиком. В тех случаях, когда этот повествовательный компонент присутствует, он неизменно выполняет функцию финального комического пуанта, наделяется максимальным зарядом экспрессивности, предполагает смеховую реакцию слушателя (показательно, что обе записи заканчиваются общим смехом собиравших и информантов) и, таким образом, реализует потенциал речевого жанра устного анекдота. Представляется, что такое смещение повествовательной модели рассказов об остроумном наказании горожанами начальства от канонов предания («переказа») к канонам анекдота вполне закономерно, если не неизбежно при переходе их из литературного (публицистического) в фольклорный регистр бытования.

Наконец, последняя повествовательная деталь, на которую мы хотим указать, как и в предыдущем случае, имеет некоторое соответствие в печатном источнике, однако широкое распространение получила только в устных версиях. В газетной статье сообщается, что памятник установили без согласования с го-

родскими властями, «дочекавшись зручного часу, коли міський городничий Хаджі поїхав на кілька днів у губернське місто Кам'янець» [Пілецький 1984]. Про отъезд городничего ни в одном из записанных нами текстов не упоминается, что вполне объяснимо: эта подробность несоразмерно конкретна для устных рассказов, чуждых какой бы то ни было исторической фактографии. Однако описанный выше пуант (сообщение о впечатлении, произведенном на городничего) подразумевает эффект неожиданности. Поэтому в некоторых рассказах закономерно появляется указание на то, что манипуляция с памятником совершалась горожанами тайно, только место «исторической» информации занимает вполне «фольклорная» подробность: дело было сделано под покровом ночи.

Таких текстов четыре, причем в двух речь идет о разворачивании памятника в сторону дома градоначальника. Один приведен выше («И сделали такой прикол. Ночью. <...> Установили — ночью пришли, этот памятник повернули к нему лицом» [14, Инф. 2]). Другой был рассказан водителем такси и содержит дополнительный сюжетный ход: городничий, увидев памятник перед своим домом, приказал убрать его, а вместо этого ночью памятник развернули к его дому лицом, после чего он утром испытал шок [13].

В двух других текстах говорится собственно об установке памятника. Если в первом случае указание на то, что памятник развернули ночью, как бы привносит элемент конкретики, представляя всю историю как акт веселого ночного хулиганства (ср.: «Просто пошутили» [14, Инф. 2]), то в тех рассказах, где речь идет о ночной установке памятника, присутствует дополнительная подробность: памятник поставили не просто *в ночное время*, но *в продолжение одной ночи* («За ніч поставили пам'ятник» [8]; «И однажды утром... За ночь! За ночь, где-то готовился памятник, изготавливали полностью, привезли, за ночь его установили» [3]). В таком изводе эта деталь, с одной стороны, делает историю более конкретной, с другой — создает эффект фантастичности, завирального неправдоподобия, сближая анекдот из городской жизни с теми повествовательными жанрами, которым знаком мотив появления / изготовления чего-либо за одну ночь: с волшебной сказкой, рассказом о чуде, новеллой мюнхгаузенского типа.

4.5. Музыкальная школа как памятник архитектуры и фольклора

Итак, для устных рассказов с редуцированным или отсутствующим сюжетным блоком «Спектакль» характерно представление о том, что памятник был поставлен *в наказание*

местной власти, персонифицированной фигурой городничего / городского головы / керівника міста / управляющего / мэра / первого секретаря горкома. Это представление содержится и в некоторых печатных изложениях легенды и наиболее близких к ним фрагментах интервью, а также выражается в указании на то, что бюст с умыслом установили напротив дома городничего. Но все же в рамках краеведческой версии легенды первичным и главным толчком к рождению идеи установить на средства горожан памятник Гоголю служит не желание «насолить» градоначальнику и посмеяться над ним, а стремление отблагодарить великого сатирика и на века прославить его гений в собственном городе — там, где его творения позволили жителям заслуженно опозорить местную власть и одержать над ней моральную победу. Ср.: «Наприкінці виконавцям влаштували бурхливу овацію, і тоді хтось із глядачів вибіг на сцену й запропонував: — Зберімо гроші на пам'ятник Миколі Васильовичу Гоголю в нашому місті!» [Подолінний 1994: 47]; «И эта пьеса настолько возродила живой интерес к Гоголю, шо до конца спектакля по залу пошла шляпа для сбора денег, чтобы построить этому гениальному писателю-драматургу памятник. <...> Чтобы помнить этого знаменитого драматурга» [3]. То, что памятник поставили рядом с домом городничего, чтобы доставить ему неприятность, — в данном случае функция вторичная, дополнительная, а не исконная и определяющая.

В большинстве устных текстов, в которых отсутствует рассказ об инциденте на постановке «Ревизора», все иначе: инициатива горожан возникает как результат недовольства местными чиновниками и их действиями, а не восхищения великим писателем и его творениями. Это объяснимо: жители города в этой версии сюжета не имеют возможности посмеяться над городскими начальниками на представлении (а посмеяться-то хочется: это константа), и вот с этой, собственно, целью они придумывают фокус с памятником. Иначе говоря, данная интенция переходит в другой (в этом случае единственный) сюжетный блок — «Памятник», уводя с собой и мотив *Горожане решают установить памятник Гоголю*. А поскольку по-настоящему наказывать местное начальство можно, лишь направив на дом градоначальника взгляд ненавистного сатирика, сама идея поставить памятник оказывается изначально неотделимой от выбора места его установки и положения фигуры в этом месте.

В результате особенно значимым компонентом рассказов становится указание на пространственную ориентированность памятника в отношении определенного объекта окружающего городского пространства — *дома городничего*. Упоминание о нем, как нетрудно заметить по многим приводимым выше фрагментам, содержится практически во всех рассказах, обыч-

но сопровождаясь одним и тем же комментарием: *в этом доме сейчас расположена (недавно располагалась) городская музыкальная школа* (в настоящий момент здание ремонтируется). Как правило, фразы, приурочивающие действие истории к этому дому, не сопровождают, а предваряют изложение сюжета, возникающая в диалоге в качестве первой реакции на вопрос о памятнике Гоголю в Могилеве-Подольском:

Соб.: *А еще нам говорили, что в Могилеве есть какой-то очень старый памятник Гоголю.*

Инф.: *Да, значит, история этого памятника такого... Там вот, куда смотрит Гоголь, там музыкальная школа сейчас. Это был особняк, значит, городского головы [4, Инф. 1].*

Инф.: [Показывает фотографию в экспозиции заводского музея.] *А это памятник Гоголю у нас.*

Соб.: *А чего его поставили в городе?*

Инф.: *Ой, это тоже очень интересная история. Ой! Извините. Извините. Это недалеко, возле горисполкома, в ту сторону, Ямпольского района, туда, в сторону Одессы. В маленьком архитектурном здании... Есть, оно сохранилось на сегодняшнее время. Там находится музыкальная школа. С красивым балкончиком. Там жил городничий города нашего [3].*

Соб.: *А вот мы видели, у вас там стоит памятник Гоголю. Тут недалеко, на площади.*

Инф.: *Да-да.*

Соб.: *Это старый памятник?*

Инф.: *Старый пам'ятник.*

Соб.: *Старый памятник?*

Инф.: *Це ж колись, як брали... Отам біля пам'ятника рядом є музична школа, где інтересне будівля [9].*

В некоторых интервью информанты «выходили» на рассказ об истории памятника без прямого вопроса собирателей, и в этих случаях толчковым моментом к началу повествования также становилось упоминание здания музыкальной школы:

Инф. 1: *У нас в городе жил Пушкин, у нас в городе жил Гоголь, у нас в городе жила Леся Украинка.*

Инф. 2: *Во, где музыкальная школа, там...*

Инф. 1: *Где музыкальная школа, там есть памятник Гоголю [6].*

Соб.: *А как бы чуть-чуть меняя тему — как вам кажется, какие в Могилеве основные вот как достопримечательности такие, ну, визитная карточка города? Когда приезжаешь сюда — вот что надо посмотреть обязательно? Чем он славится, вообще?*

Инф.: *Музыкальная школа есть. Неплохие есть мастера. Парк у нас прекрасный был, он славился когда-то. <...>. Дом культуры. Коллектив — и поют, и играют. В основном — музыкальная школа, потому что это был когда-то дом городничего [7].*

В данном контексте нельзя не процитировать интервью с двумя девушками (обширный его фрагмент см. выше), одна из которых в процессе этого разговора впервые услышала от подруги сюжет легенды, однако хорошо знала место ее действия:

Инф. 1: *Я тебя перебую. Знаешь, где его была квартира? Вот где музыкальная школа.*

Инф. 2: *Да? Это была его...*

Инф. 1: *Это был целый его дом.*

Инф. 2: *Ага, ясно. А ты знаешь эту историю?*

Инф. 1: *Не, я не знаю [14].*

Весьма показателен также записанный в ходе полевого эксперимента¹ текст, в котором вообще отсутствует упоминание о памятнике, но который при этом является не чем иным, как несостоявшимся изложением нашего сюжета.

Соб.: *А скажите, пожалуйста, вот... Ничего не происходит. А по истории города, например... То есть, возможно вы интересовались историей... достопримечательности какие-нибудь?*

Инф.: *Не интересовалась.*

Соб.: *Какие тут главные площади, может быть, какие улицы?*

Инф.: *Вот площадь Гоголя.*

Соб.: *Гоголя, да?*

Инф.: *Да.*

Соб.: *А еще где места?..*

Инф.: *Вот дом городничего. Если вы читали Гоголя «Ревизор», — вот там музыкальная школа — это тот дом городничего. Ну, тут такого больше, по-моему, ничего и нету.*

¹ Эксперимент состоял в том, что в первый день экспедиции 2008 г. интервьюировать встречаемых на улице горожан были направлены молодые участники, имевшие небольшой опыт собирательской работы в другом городе, но не знавшие ничего о городской культурной традиции Могилева-Подольского. Нам было интересно посмотреть, с одной стороны, какие из уже известных нам (по предыдущей экспедиции) фрагментов могилевского локального текста в первую очередь будут зафиксированы неискушенными собирателями, с другой — не позволит ли отсутствие собирательской программы, ориентированной на ранее записанный материал, обнаружить какие-то новые сюжеты.

Логика этой беседы хорошо понятна тому, кто владеет контекстным знанием. Сказанного жительницей города достаточно, чтобы понять, что сюжет легенды в том или ином виде ей скорее всего известен, но без дополнительных вопросов он не был вербализован и остался подводной частью айсберга. Все, что вынесено на поверхность, — это идентификация актуального городского объекта с легендарным: таким образом, носитель местного знания обозначил тот аспект нерассказанной истории, который для него представляется наиболее значимым в разговоре с интересующимся чужаком и удовлетворительным в качестве ответа на вопрос о достопримечательностях.

Вернемся к обмороку градоначальника, вышедшего на балкон и встретившего насмешливый взгляд писателя. Нельзя исключить, что своим появлением в устных вариантах он так или иначе обязан публицистическому источнику (см. выше цитату из [Пілецький 1984] про «отетерившего» городничего). Однако вероятнее, что рождение этого мотива (или, по меньшей мере, его устойчивость) напрямую связано с вписанностью самого сюжета в реальное городское пространство, с приуроченностью действия к существующему и хорошо знакомому объекту. Дело в том, что у здания пресловутой музыкальной школы действительно есть балкон, причем расположен он именно с той стороны, к которой развернут бюст Гоголя. Смакуя финальную сцену, рассказчики представляют себе абсолютно конкретную «картинку», как бы кадр из фильма, снятого по сюжету легенды в их родном городе, и в этом, несомненно, находят, с одной стороны, особое удовольствие, с другой — подтверждение реальности рассказываемой истории.

То, что практически каждому взрослому могилевчанину известно здание музыкальной школы, — чрезвычайно важный фактор жизнеспособности рассматриваемого сюжета, та «зацепка» в реальном пространстве города (и, что важнее, в ментальной картине города, существующей в сознании его жителей), которая делает легенду о памятнике актуальной составляющей современного локального текста Могилева-Подольского. Не сохранился этот дом до наших дней, как знать, возможно, старания краеведов и педагогов распропагандировать этот сюжет и ввести его в область общегородского знания под девизом «Люби і знай свій рідний край» [Пілецький 1984] не увенчались бы успехом, как не удалось им популяризировать знание о том, что «перший пам'ятник М.В. Гоголю у нашій країні було відкрито у Могильові-Подільському» [Пілецький 1987]. Выражаясь афористически, можно сказать, что бюст Гоголя на постаменте — памятник великому писателю, а музыкальная

школа — памятник связанной с ним городской легенде. При чем основное назначение любого памятника — не дать забыть, сохранить в народной памяти — второй из этих двух на данный момент исполняет лучше. Впрочем, эти рассуждения уже выходят за рамки разговора о повествовательной структуре устной версии легенды и вплотную подводят к общим вопросам специфики локального фольклора, связанного с памятниками, и соответственно к необходимости рассмотреть могилевский случай в более широком контексте городской фольклорной традиции.

5. Фольклористический комментарий: памятник в локальном тексте и широкой культурной традиции

Только где-нибудь поставь какой-нибудь памятник или просто забор — черт их знает, откуда и нанесут всякой дряни!

Н.В. Гоголь, «Ревизор» (1, V)

Интенция осмысления светских городских памятников (и, шире, городской скульптуры), противопоставленного их прочтению, заложенному авторами и заказчиками, появилась в европейской культуре, вероятно, одновременно с самими памятниками, тогда же возникли и фольклорные формы, и культурные практики, реализующие эту интенцию¹. Более полутора веков назад поэт Нестор Кукольник писал: «Нет публичного монумента, на счет которого народ не выразил бы своего мнения, разница в том, что, выраженное остроумно, оно остается в народном предании» [Кукольник 1997: 100]. Выше (в гл. 1 и 3) мы показали, как на материале, подсказанном литературной традицией XIX в., советская краеведческая традиция сформировала свой извод легенды о памятнике Гоголю. В настоящей главе, завершающей статью, мы попытаемся продемонстрировать, как традиция фольклора о памятниках определила облик устных версий легенды, а также других представлений, нарративов и практик, сложившихся вокруг этого монумента в локальном тексте Могилева-Подольского.

¹ Некоторое представление об античных фольклорных текстах и ритуальных практиках, связанных с памятниками, можно составить по творчеству жившего во II в. н.э. греческого сатирика Лукиана, который, пародируя фольклорные легенды своего времени, приводит в диалоге «Любитель лжи, или Невер» историю о памятнике коринфскому полководцу Пелиху. Статуя полководца, как рассказывали, по ночам оживала и сходила с постамента, а днем исцеляла страждущих, которые оставляли около нее монеты; конюх, пытавшийся украсть монеты, был наказан статуей, магическим образом не дававшей ему покинуть место преступления до тех пор, пока его не поймали с поличным [Назирова 1991: 25]. Другие образцы античного фольклора о памятниках см. в: [Barasch 1992: 36–39].

5.1. Гоголь как памятник, памятник как Гоголь

Рассмотрение могилевской легенды в различных контекстах, связанных с народной монументологией¹, логично начать с культурной традиции, связанной с памятниками Гоголю. Следует заметить, что истории о памятниках в устном, сетевом и публицистическом бытовании имеют тенденцию к циклизации не только по локусу (например, легенды о памятниках Петербурга² или прозвища многочисленных городских скульптур Петрозаводска, установленных на набережной Онежского озера³), но и по персоналиям. Очевидно, что самый развитый цикл посвящен памятникам Ленину. Гоголь (наряду с Пушкиным и Толстым) входит в число писателей, вокруг памятников которым сформировался устойчивый семантический ореол, в значительной степени соотносящийся со стереотипией восприятия самого писателя в культуре.

Наиболее заметно на отбор предпочтительных мотивов в нарративах о памятниках Гоголю влияют расхожие представления о нем как о писателе-мистике, то заигрывающем с «чертовщиной», то впадающем в религиозный эскапизм. Они формируют и корпус легенд о жизни и смерти самого Гоголя (см.: [Синдаловский 2009]). Большинство сюжетов, связанных со скульптурными изображениями Гоголя, строятся вокруг странных событий, которые с ними происходят, событий курьезных или зловещих, но в любом случае интерпретируемых как типично гоголевская чертовщина. Во время их установки происходят странные события. Весьма характерны заголовки газетной публикации «Черти мешали открытию памятника Гоголю во дворе литературного музея в Одессе» [Черти мешали 2009] или истории о том, как установленный в Днепропетровске в 1959 г. Гоголь во время церемонии открытия монумента изменил выражение лица [Романчук 2009]. Некоторые же памятники собирались поставить, но так и не осуществляли намеченное, например в Ленинграде в 1952 г. [Кураев 2006: 19; Носов 2009: 61–68] и Москве в 2003 г. [Третий памятник 2003]. Памятники Гоголю то загадочно исчезают (так, в 1950-е гг. куда-то пропал памятник писателю в Днепропетровске [Гуляева 2004], в 1990-е — в Тбилиси [Пипия 2007]), то обнаруживаются в неожиданных местах (например, в 2002 г. бюст Гоголя случайно

¹ Этот несколько громоздкий, но необходимый термин позаимствован нами из эссе современного писателя Михаила Шишкина [Шишкин 2006].

² Раздел «Легенды памятников» на сайте «Святые, мистики и злодеи Петербурга»: <<http://www.petersburg-mystic-history.info/ru/monum.html>>. Здесь и далее в угловых скобках указывается адрес размещения цитируемого текста в Интернете по состоянию на апрель 2010 г.

³ Раздел «Памятники» на сайте «Истории нашего города: Имена. События. Люди»: <<http://history.ptz.ru/toponim/monument/>>

был найден во Владимире в подвале одного из домов [Памятник Н.В. Гоголю], в 2006 г. памятник писателю случайно откопали бульдозером на набережной реки Мойки в Пензе, при этом повредив ему нос [В центре Пензы 2006]).

Другой устойчивый тип сюжетов о памятниках Гоголю связан со стереотипом, согласно которому писатель трактуется как проницательный мудрец, глядящий на современность сквозь «видимый миру смех и незримые, неведомые ему слезы», сатирик-обличитель, гроза порочного общества и несправедливой власти (см. гл. 3). К этой грани гоголевского культурного образа апеллируют многочисленные истории с мотивом перемещения памятника писателю, которое интерпретируется в рамках конфликта между властью и обществом. Как правило, местные власти выступают инициатором переноса памятника, а городское сообщество пытается или противостоять этому, или вернуть памятник на старое место. Наиболее известная история этого рода связана с московским памятником работы Андреева (подробнее об этом см. в гл. 5.4), идея вернуть который на историческое место активно обсуждалась перед 200-летним юбилеем писателя [Игнатъева 2008; 2009], подобные сюжеты сложились также вокруг памятников Гоголю в Волгограде [Антоненко 2009] и украинском Северодонецке [Погода 2009].

В легенде о памятнике Гоголю в Могилеве-Подольском реализована именно эта модель: сообщество инициирует установку памятника, градоначальник желает его убрать / «отвернуть». Характерно, что почти во всех текстах четко эксплицирована причина неприязни главы города к этому памятнику — разоблачительная сатира писателя. Напомним также, что могилевского Гоголя переставляли с одного места на другое (см. гл. 2.4), причем с исконного, более выигрышного (центральная площадь города), его «вытеснил» монумент императора: с большой долей вероятности можно предположить, что эта «архетипическая» для данной группы историй ситуация, имевшая место в 1911 г., не осталась тогда без комментариев городской интеллигенции — слухов, толков, шуток, эпиграмм, впоследствии ушедших вместе с памятью о переносе памятника.

5.2. Кому и почему ставят монументы

Однако было бы неверно полагать, что вся совокупность представлений и текстов вокруг такого заметного для Могилева-Подольского городского объекта, как памятник Гоголю, исчерпывается вариантами рассматриваемой городской легенды и набором аккумулируемых ею мотивов. Этиологический вектор, присутствующий в истории установки бюста писателя на-

зло властям, в целом характерен для нарративов локально-ландшафтной приуроченности, и неудивительно, что в арсенале могилевского локального текста существуют и другие версии о причинах появления в городе этого монумента. Наиболее распространенная из них, что вполне предсказуемо, состоит в том, что *Гоголь сам бывал в Могилеве-Подольском*:

Инф.: *Вот... Это памятник Гоголю. А вы не подходили туда? Это рядышком.*

Соб.: *Да-да-да. А почему именно Гоголю?*

Инф.: *Ну говорят, что Гоголь был проездом здесь. Вот такой разговор [15].*

Среди материалов экспедиции есть интервью, в котором данное объяснение появления памятника подсказано собирателем, и по дальнейшим репликам информанта видно, как эта идея оказывается ему близка и потому начинает им творчески развиваться.

Соб.: *А еще мы у вас видели где-то у вас в городе памятник Гоголю.*

Инф.: *Да.*

Соб.: *Гоголь здесь жил, что ли? Проезжал?*

Инф.: *Видимо, он приезжал. Видимо, он когда-то здесь был, если есть памятник. Эта улица Гоголя и памятник Гоголю — видимо, он здесь был каким-то образом, или ставилось его произведение, может быть, где-то в театре, или что... [16].*

Знание о том, что Гоголь жил или бывал в Могилеве-Подольском, может функционировать не только как альтернативная по отношению к легенде, но и как дополняющая ее информация. Так, один из спонтанных, не спровоцированных вопросом собирателя рассказов, в котором установка и расположение памятника связывается с запрещением местному театру представлять «Ревизора», последовал за фразой: «У нас в городе жил Пушкин, у нас в городе жил Гоголь, у нас в городе жила Леся Украинка» [6].

Ментальный стереотип, согласно которому наличие памятника известному человеку (в особенности деятелю искусства) свидетельствует о факте его пребывания в этом городе, вообще относится к числу универсалий локального текста. Например, в городе Бологое Тверской области на центральной улице стоит памятник Льву Толстому, что породило расхожее мнение горожан, будто писатель останавливался на станции Бологое и именно там написал сцену гибели Анны Карениной под колесами поезда [Ахметова, Лурье 2005: 340]. В свою очередь, распространенным аргументом против того или иного памят-

ника часто становится указание на факт, что тот, кого пытаются «увековечить», никогда не бывал в этом месте¹. Примеры подобных случаев, когда присутствие памятника тому или иному лицу порождает представление о биографической связи этого лица с данным местом, можно было бы умножить. Впрочем, в некоторых могилевских интервью информанты сами трогательно эксплицитовали подобную логику своего суждения:

Соб.: *Почему Гоголю здесь поставили памятник?*

Инф.: *Это тоже было связано с тем, что он прожил у нас.*

Соб.: *Гоголь в Могилеве-Подольском?*

Инф.: *Да-да. А естественно, кто прожил, тому и поставили памятник [17].*

Другая альтернативная нашей легенде версия появления в городе гоголевского скульптурного бюста состоит в том, что *памятник поставили не тому, кому планировали:*

Соб.: *А вот Гоголю памятник старый?*

Инф.: *Это ошибка советской власти. Этот Гоголь не имеет никакого отношения к Могилеву, никогда здесь не был. Здесь был другой Гоголь, атаман. Казак. Вот. Иван Гоголь. Памятник ему нужно было поставить. Ну, знаете, как ЦК КПСС — Гоголь, Гоголь, заказали Гоголя — оказывается, Гоголь не тот. Так он и стоит там. Это чистая ошибка [18].*

Такое объяснение встретилось нам единожды, и, по-видимому, оно не имеет особого распространения. Рассказчик — один из самых известных и популярных людей в Могилеве-Подольском — позиционирует свое знание как единственно истинное, исторически точное, имплицитно противопоставляя его общему заблуждению (что писатель бывал в городе) и, с одной стороны, опираясь на исторический факт (о местном казачьем начальнике по фамилии Гоголь), с другой — апеллируя к общему знанию о «формальном» и «халатном» отношении к делу,

¹ См. характерные примеры из журналистских публикаций: «Абсурда вообще хватает. “Областные вести” уже задавались вопросом, почему напротив здания поликлиники № 3 появился памятник великому Грибоедову, который никогда не бывал в нашем городе» [Александрова 2009]; «Интересно, что первый памятник Шостаковичу в Петербурге установили в районе, где сам композитор никогда не бывал. Теперь семья надеется, что появятся и другие монументы, уже в центре — в местах, которые Шостакович видел своими глазами» [На улице Шостаковича 2009]. Ср. шутку: «В советские времена был анекдот о памятниках Ленину в Одессе. Ну ничего он для Одессы не сделал и даже никогда в Одессе и не был. Вот за это ему памятники и ставили» (Комментарий в сообществе «Одесса» на портале «Мой мир@mail.ru»: <<http://my.mail.ru/community/odes/635DE5E595BB4FB3.html?thread=2D7B3003469D881F&skip=0>>). Здесь и далее при цитировании материалов, размещенных в Интернете, сохраняется орфография и пунктуация оригинала.

распространенном в советские времена и часто приводившем к подобного рода несуразным результатам¹.

Сложилась эта история собственно в сознании нашего собеседника или была кем-то ему поведена, в любом случае она возникла не на пустом месте: в традиции этиологических преданий о городских памятниках существует класс текстов, объясняющих появление или внешние особенности монумента ошибкой, допущенной заказчиками, исполнителями или транспортировщиками. Как правило, в подобных этиологических рассказах путаница касается населенного пункта, в котором оказался памятник. Так объясняют установление в 1975 г. 22-метрового обелиска Победы в городе Бежецке Тверской области: «Есть в Белоруссии г. Бежицк, там были мощные бои во время войны. А есть в Тверской области г. Бежецк, в котором никаких боев не было, немцы туда не дошли (ближайшие бои были в Твери (Калинин), а в Бежецке был только госпиталь. И однажды в Бежецк привезли огромнейшую гранитную стелу в виде штыка, которая и по сей день там стоит. Максимум, на что мог рассчитывать Бежецк, это какой-нибудь небольшой памятник в память о сражавшихся земляках, но не на такую стелу. Вокруг куча похожих городов, и там ничего подобного нет»².

Особая разновидность подобных текстов иронически объясняет случайными обстоятельствами или ошибкой в месте назначения скульптуры несоответствие ее внешнего облика месту установки по территориально-этническому или территориально-климатическому параметру. Различные версии такого рода легенды связаны, например, с памятником Ленину, который до 1991 г. стоял в латвийском городе Даугавпилсе. Отправной точкой для возникновения этих устойчивых нарративов стала зимняя одежда скульптурного вождя, актуальная для более северного климата³: «Памятник был предназначен для одного

¹ Характерно, что при этом он путает не только эпоху появления памятника, но и имя и воинский чин «другого Гоголя»: речь идет о полковнике Евстафии (Остапе) Гоголе (см. об этом в гл. 1.4).

² ЖЖ-опрос: <http://community.livejournal.com/moya_moskva/2153807.html?thread=31837519>. Здесь и далее с пометой «ЖЖ-опрос» цитируются материалы, полученные в результате специального опроса, размещенного авторами в различных сообществах блог-платформы Живого Журнала <<http://www.livejournal.com/>> в январе 2010 г. Все полученные тексты были проанализированы и, как и ожидалось, оказались достаточно разнородными по характеру и происхождению: от «честных» самозаписей отвечающих до фрагментов самостоятельных сетевых публикаций, перенесенных в блог по принципу сору-paste (в таких случаях мы приводим цитаты по их оригинальным источникам).

³ Попутно заметим, что «северный» облик памятника рождает в городском фольклоре не только этиологические нарративы, но и бессюжетные иронические интерпретации: «Про нашего даугавпилского Ленина вообще анекдот ходил, что самый холодный город в СССР — это Даугавпилс: у нас даже Ленин в ушанке!» (Комментарий к сообщению в блоге пользователя Рената (renatar): <<http://renatar.livejournal.com/151789.html?thread=6380525#t6380525>>).

из северных городов. Поэтому и выглядел Ильич соответственно: в зимней шапке и пальто. Но по дороге гранитная фигура получила серьезные повреждения, кусок камня откололся. Ценный груз задержали, не зная, что делать дальше. И тут даугавпилское руководство подсуетилось. Поврежденный памятник купили по дешевке» [Гартованова 2007]. В другом варианте зимний наряд скульптурного Ленина объясняется все той же географической путаницей: «Было создано два памятника: один, в демисезонной одежде и с непокрытой головой, — для Даугавпилса (бывшего Двинска), а другой, в зимнем пальто и шапке, — для Северодвинска. При отправлении памятников на место установки города перепутали, и Ленин без шапки отправился мерзнуть на Северную Двину, а Ленин “в зимнем” — париться на Западную Двину (Даугаву)» [Памятник Ленину].

Наконец, известен и пример истории, почти полностью соответствующей могилевскому случаю: «В 1942 г. в городе Долгопрудном (Дирижаблестрой) Московской области (точнее, в селе Мысово, которое вошло в состав Долгопрудного) был захоронен прах Героя Советского Союза Николая Кретова, который в этих краях никогда не бывал. Загадка этого захоронения до сих пор не разгадана. Когда в 2006 г. власти города перезахоронили прах — перенесли могилу из Мысовского парка на городское кладбище, то на новом памятнике по ошибке разместили изображение “не того” Кретова. Другого Кретова. Тоже героя и однофамильца»¹.

Таким образом, даже если приведенная выше история, объясняющая появление памятника писателю ошибкой, окказиональна в рамках местной традиции, само по себе ее появление — не случайная аберрация, а вполне закономерная реализация продуктивного повествовательного мотива городских преданий о памятниках, хорошо известного по другим локальным текстам.

5.3. Город в зеркале памятника

Помимо нарративов и суждений, касающихся истории памятника и объясняющих обстоятельства его появления и особенности пространственного расположения, в могилевской локальной традиции существуют и другие тексты, связанные с памятником Гоголю. Так, среди довольно многочисленных и разнообразных в структурном отношении устойчивых тек-

¹ ЖЖ-опос: <http://community.livejournal.com/moya_moskva/2153807.html?thread=31832399>

стов, репрезентирующих различные грани культурного образа Могилева-Подольского¹, есть и такой:

Соб.: *А вот еще говорят, что у вас тут есть памятник Гоголю какой-то интересный.*

Инф.: *Есть. Есть такой памятник Гоголю. Говорят, в шутку в Могилеве говорят, что это единственный человек, который в Могилеве не берет взятку. Потому что у него нет рук [15].*

Как и во всех рассмотренных выше случаях, эта фольклорная шутка, с одной стороны, обыгрывает конкретные реалии конкретного города и апеллирует к местному знанию, с другой стороны — имеет параллели в других локальных традициях. Известен, например, петербургский вариант: «В Питере не пьют только четыре человека. У них руки заняты — коней держат»². Важно отметить, что в обоих вариантах задействована некоторая черта культурного реноме города, задающая направление сниженной интерпретации скульптурной фигуры, в результате чего и возникает комический эффект. В первом случае это представление о том, что в Могилеве-Подольском «все продается и покупается» и с помощью денег можно уладить любые проблемы с властями³, во втором случае — репутация Петербурга как города пьяниц и питейных заведений⁴.

¹ Речь идет об анекдотах, шутках, формулах-дефинициях, речевых клише, ср.: «Могилев-Подольский — еврейский город», «Могилев-Подольский — это маленькая Одесса», «помойная яма», «маленькая Швейцария» и т.п. (см. о некоторых из них: [Сенькина 2008; Лурье 2008]).

² Когда появилась эта шутка, нам неизвестно, но в последние годы она фиксируется в сетевом бытовании — как в индивидуальных блогах (см., напр., запись в блоге Grasskiller: <<http://lj.russia.org/users/grasskiller/600018.html>>), так и на специализированных юристических сайтах. В частности, на одном из них — Хохмы.РУ — пользователь Лилюша сопровождает сообщаемый ею текст предисловием: «Тренеру “Зенита” Дику Адвокаату наша губернаторша подарила антикварные часы — большие такие, из натурального камня и с бронзовой фигуркой, копирующей одну из скульптурных композиций с Аничкова моста. Я, глядя на эту фигурку, вспомнила старинную питерскую шутку <...>» (Анекдоты (выпуск 27) от 20.05.2008: <<http://www.xoxmi.ru/content/anektoty-vurusk-27>>). Ср. варианты той же шутки в других городах: «Самарцы высоко оценили достоинство любимого народом героя и признали за ним несомненное первенство — как самого непьющего жителя города. Да и как выпьешь: в одной руке шашка, а другой он лихим конем правит» [Бондаренко 2002]; «В Магаданской области (на Колыме) не пьют только четыре человека. — Кто? — Те, которые стоят на фронте театра» [Ахалкин, Бурыкин 2002: 57]; о московском памятнике Ивану Федорову: «В Москве только один поп не пьет, и то потому, что книгу держит» (записано от уроженца Москвы, 1954 г.р.; записала М. Ахметова в 2009 г.).

³ Этот локальный стереотип связан, с одной стороны, с исторически сложившимся образом Могилева-Подольского как города торговли и «теневой экономики», с другой стороны, с его приграничным положением, наличием таможи и соответственно актуальностью темы контрабанды (см.: [Алексеевский, Лурье 2008: 197]). В данном случае возникает дополнительный смысловой оборот, связанный со славой Гоголя как обличителя взяточничества: в Могилеве мздоимство укоренилось настолько, что даже сам Гоголь не берет только потому, что у него нет рук.

⁴ Этой грани культурного образа северной столицы посвящена популярная статья Н.А. Синдаловского, характерно озаглавленная «В Питере не пьют только четыре человека...» и завершающаяся риторическим пассажем, вводящим полный текст шутки: «Что же удивительного в том, что появилась новая поговорка: “В Питере не пьют только четыре человека. На Аничковом мосту. Им некогда. Они коней держат”» [Синдаловский 2003].

Если расширить типологический ряд, обозначив его границы как «иронические тексты, обыгрывающие внешний вид памятников (уличных скульптур) в контексте устойчивых характеристик места», то станет очевидно, насколько существен общекультурный контекст могилевской шутки. В качестве примеров упомянем здесь лишь несколько подобных текстов. В Петрозаводске памятник Марксу и Энгельсу имеет прозвище «Рунопевцы», отсылающее к одному из национальных культурных брендов Карелии («родина “Калевалы”»)¹. В других подобных шутках обыгрывается тема, значимая для профессиональной самоидентификации места: «В городе рыбаков Калининграде есть, где-то в центре, памятник Юрию Гагарину. Гагарин там стоит, широко раскинув руки и ноги. В народе памятник называется: “Я вчера во-о-о-т такую рыбу поймал”»².

Есть и еще один довольно специфический контекст, в котором регулярно актуализируется памятник Гоголю: это могилевские наводнения. Вплоть до начала 1980-х гг., когда была построена плотина Днестровского водохранилища, Могилев-Подольский практически каждый год в той или иной степени заливало водой. Нарративы о самых крупных наводнениях занимают заметное место среди локальных меморатов (см.: [Алексеевский, Лурье 2008: 196]), и в этих рассказах достаточно регулярно фигурирует указание на то, до какого уровня в воде оказался памятник Гоголю³. «Измерение» уровня воды «по Гоголю» имеет, конечно, не практический, а сугубо символический характер, и в подобных разговорах отсылки к его «результатам» фигурируют как один из риторических ходов, подчеркивающих масштаб катастрофы. В архиве местного краеведческого музея хранятся фотографии, где запечатлены виды города во время на-

¹ Раздел «Памятники» на сайте «Истории нашего города: Имена. События. Люди»: <<http://history.ptz.ru/toponim/monument/>>.

² Раздел «Истории остальные новые» от 21.08.2001 на сайте «Анекдоты из России»: <<http://anekdot.ru/an/an0108/t010828.html#23>>. Известный развлекательный сайт «Анекдоты из России» <<http://www.anekdot.ru/>>, существующий с осени 1995 г., оказался одним из ценнейших источников записей фольклора о памятниках. Осенью 1997 г. на сайте появился раздел «Реальные истории», куда посетители могли присылать рассказы об интересных происшествиях, которые случились с ними или их знакомыми. Именно в этом разделе несколько раз «волнами» появлялись циклы рассказов о местных памятниках, где приводились их неофициальные названия, шутки и легенды, связанные с ними. Всего нами было обнаружено более 300 самозаписей фольклора о памятниках, в совокупности составляющих достаточно репрезентативный корпус подобных текстов.

³ В конце июля 2008 г. в результате ливневых дождей уровень воды в Днестре поднялся настолько, что Днестровское водохранилище было вынуждено спускать воду. В результате произошло подтопление нескольких городов, в частности Могилева-Подольского, по масштабам сопоставимое с крупными наводнениями прошлого (см. рис. 2). Участники экспедиции, работавшей в эти дни в городе, могли среди прочего наблюдать, какую роль играет памятник Гоголю в разговорах о происшедшем бедствии: местные жители активно обсуждали, насколько сильно он погрузился в воду на этот раз, больше или меньше по сравнению с памятным наводнением 1969 г. (по другой версии — 1979 г.).

Рис. 2. Наводнение в Могилеве-Подольском, июль 2008 г.
 Фото А. Сенькиной.

воднений разных лет, и при этом почти в каждой из этих подборок присутствует снимок окруженного водой памятника Гоголю (см. рис. 3, 4), что еще раз подтверждает укорененность в местной традиции такой оценки степени затопления города.

Объяснение тому факту, что именно памятник Гоголю был осмыслен городским сообществом как своего рода водомерный пост, лежит в сфере внутреннего локального знания и непосредственно связано — как и легенда об установке его перед *домом городничего* — с местоположением монумента в городском пространстве. Дело в том, что именно то место, где находится памятник, считается в городе самым затопляемым и имеет неофициальное обозначение *Мойка* (по старому названию нынешней улицы Гоголя), происхождение которого обычно объясняют тем, что это один из наиболее низких участков

Рис. 3. Наводнение в Могилеве-Подольском, 1960-е или 1970-е гг. Фотография из фондов Могилев-Подольского краеведческого музея (папка с фотоматериалами разных лет).

Рис. 4. Наводнение в Могилеве-Подольском, март 1976 г. Фотография из фондов Могилев-Подольского краеведческого музея (папка «Затопления и разрушения в гор. Могилев-Подольском наводнением 3–4 марта 1976 г.»). Подпись на обороте: «Площадь Гоголя — начало наводнения».

городского ландшафта и именно отсюда начинаются все наводнения¹.

Приведем в заключение небольшой фрагмент интервью, в котором информант воспроизводит оба описанных выше гоголевских текста. И это вполне закономерно: рассказчик, которого спрашивают о городе, хочет сообщить собирателю существенные, с его точки зрения, характеристики, и связующим звеном ассоциативной цепочки оказывается не что иное, как памятник, с участием которого эти характеристики реализуются в устойчивых текстах:

Инф.: *В шестьдесят девятом году было наводнение, здесь все плавало, вот ГЭС, ГЭСа не было — так наш этот товарищ, который без рук... ну, кто, кто у нас взятки не берет...*

Соб.: *Гоголь?..*

Инф.: *Гоголь, правильно. Потому что у него... Два человека, которые не берут взятки, у нас есть в городе.*

Соб.: *Гоголь и кто?*

Инф.: *Я — потому что мне не дают! У него рук нет, а мне просто не дают. Не, шутка. Дак там амфибии² ходили даже. Вот здесь всё было в воде [20].*

Таким образом, два случая обращения локальной могилевской традиции к памятнику Гоголю, при всей их несхожести, имеют единую внутреннюю логику. Устойчивый текст (будь то фольклорная формула, клише спонтанной речи или распространенная бытовая практика), возникающий вокруг монумента и не подразумевающий его исторических, эстетических, идеологических и других интерпретаций, использует памятник для актуализации одной из тем, существенных в контексте локального культурного самосознания.

5.4. Памятник в зеркале города

Вернемся к нашей легенде и предлагаемой ею этиологической версии. Две основные части ее повествовательной структуры, обозначенные в предыдущей главе как «Спектакль» и «Памятник», соотнесены с теми двумя позициями, по которым этот исторический нарратив должен внести ясность: (1) история

¹ Ср.: «Тут, это, разливалось, ну и через канализацию, из берегов Днестр выходил. Вот тут вот первая вода, на площади Гоголя, там низина такая, и, значит, там, это самое, первая вода вот там появлялась. Ну, и она затопливалась... Вот эта местность, где мы живем» [19]; «Вот у нас улица Гоголя, где швейная фабрика, вот, называлась улица Мойка. Здесь всегда, если Днестр подымался, откуда... С канавы выливалась вода» [11].

² Речь идет о военных вездеходах, способных перемещаться и по твердой поверхности, и по воде.

с представлением «Ревизора» объясняет, почему в городе появился памятник писателю, (2) рассказ об установке (или перестановке) бюста — почему он расположен так, а не иначе.

Первый из двух этих вопросов реже выходит на уровень устойчивых сюжетов городского фольклора. Можно предположить, что более или менее аморфные слухи и толки на эту тему актуализируются в моменты, непосредственно предшествующие и последующие появлению того или иного памятника, и вскоре забываются¹, а ретроспективно ориентированные нарративы о предыстории давно существующего монумента больше коррелируют с историческим дискурсом, чем с устными фольклорными формами, и в основном оседают в историко-краеведческих текстах. Как мы попытались показать в предыдущей главе, в своем развернутом (литературном) виде подобные сюжеты плохо закрепляются в устной традиции, отторгаются ею, редуцируясь, искажаясь или вовсе замещаясь более простыми сюжетными конструкциями.

На этом фоне могилевская история и в самых упрощенных своих вариантах, не говоря уже о более пространных, действительно выглядит оригинальной, тем более что ее центральный мотив — «демократической» установки памятника назло местной элите — нетривиален для этиологических рассказов о происхождении городских монументов.

При этом сюжет легенды вполне закономерно укладывается в более широкий контекст. Дело в том, что для культурных интерпретаций городских памятников чрезвычайно характерно вписывать их в сферу отношений народа и власти. Естественно, что наиболее очевидно и регулярно эта тенденция проявляется в текстах и практиках, связанных со скульптурами правителей и героев, официальными и идеологически окрашенными монументами и мемориалами. Однако сама по себе она, безусловно, имеет более общий характер, связана с феноменологическим

¹ В этом отношении показательны слухи, возникшие в Москве в 1996–1997 гг. в связи с установкой памятника Петру I работы Зураба Церетели. Колоссальные масштабы монумента, а также неожиданное место его установки требовали интерпретации. Наиболее распространенной стала версия, согласно которой изначально Церетели сделал памятник Колумбу, чтобы подарить США по случаю 500-летия открытия Америки, а когда от его дара отказались, скульптор заменил голову Колумба на голову Петра и презентовал свое творение Москве (см., напр.: [Неужто Петр Первый 1996]). Через несколько лет после установки памятника популярность этой неоднократно опровергавшейся в СМИ городской легенды сошла на нет, хотя до сих пор она встречается в блогах: «Полина рассказала замечательную историю о памятнике Петру I. Зураб Церетели сделал памятник Колумбу и решил подарить его америкасам. После того как они увидели монумент, получил ответ — “Ты что? Как **это** может символизировать славный подвиг Колумба? Не пойдет!” Ну Церетели, не долго думая, открутил голову Колумба и привинтил голову Петра I и подарил Москве» (Запись в блоге пользователя Cotton (cotton-satyr), режим доступа: <<http://cotton-satyr.livejournal.com/40559.html>>).

статусом памятника в культуре¹ и реализуется в различных типах текстов, персонажами которых выступают, в частности, и «живые» политические фигуры. Так, в интеллигентской среде существует довольно устойчивое представление, согласно которому московский памятник Гоголю работы Н.А. Андреева был «сослан» (а по одной версии — едва не уничтожен) по причине личной неприязни к нему Сталина². Этот случай в некотором смысле симметричен могилевскому, где памятник тому же писателю появился в результате недовольства жителей правителем города и был так же ненавидим последним.

Однако чаще в фольклорных текстах о памятниках фигурируют не лица, а учреждения, так или иначе репрезентирующие власть (райком КПСС, исполком, горсовет и т.п.)³, а особенно часто — связанные с функциями контроля и пресечения (милиция, МВД, КГБ / ФСБ, местная тюрьма и т.п.)⁴. Это объясняется не только культурно-историческими обстоятельствами, но и тенденцией самих этих текстов представлять памятники в соотнесенности с другими объектами городского пространства, среди которых особо маркированными практически в любом локальном городском тексте неизменно являются здания, занимаемые перечисленными организациями.

¹ См., напр., весьма показательное суждение писателя М. Шишкина: «Признак жизни памятников не столько поклонение им, которое чаще всего является мертвым ритуалом, но скорее борьба с ними, начиная от хулиганского пачканья или террористических попыток их взорвать и кончая их сносом, с восстановлением в том или ином виде следующими поколениями. В России, где идеи, похоже, не умирают, а витают, как призраки, <...> памятники бессмертны и без конца вмешиваются в жизнь смертных. По количеству снесенных монументов в мире лидирует Россия» [Шишкин 2006: 258].

² См. об этом, напр., в статье известного петербургского краеведа, ссылающегося на народную молву, и в репортаже к юбилею Гоголя на телеканале ТВЦ: «В 1951 г., накануне 100-летней годовщины смерти писателя, якобы по личному указанию “лучшего друга всех Щедриных и Гоголей” Иосифа Сталина, его едва ли не тайно сняли с пьедестала. “Нэвэсэлый очэнь”, — с сильным кавказским акцентом каждый раз, проезжая мимо, будто бы ворчал Сталин. Его услышали и правильно поняли. Очень скоро памятник был репрессирован. Его перенесли в Донской монастырь, в Музей городской мемориальной скульптуры» [Синдаловский 2009]; «Грустный Гоголь, пессимистично взиравший с высоты своего поста на советских граждан, раздражал Сталина. Он лично распорядился памятник уничтожить. От переплавки гениальное творение Николая Андреевича Андреева удалось спасти только нечеловеческими усилиями сотрудников Музея архитектуры. Монумент сослали в Донской монастырь, где тогда музей располагался» [Прохорова 2009].

³ «В Новороссийске есть памятник на месте бывшей линии обороны (Малая Земля и все такое, помните..) — лежащий Матрос, замахвающийся гранатой, кстати, в сторону центра города. Так вот, раньше говорили, что коммунизм в Новороссийске наступит тогда, когда матрос доползет до горкома (т. е. до центра города)». (Раздел «Истории остальные новые» от 27.08.2001 на сайте «Анекдоты из России»: <<http://anekdot.ru/an/an0108/t010827.html#47>>).

⁴ Ср., напр.: «Еще один прикольный памятник Лукичу, хоть и без сексуальных оттенков, стоял (а может, и сейчас стоит) в городе Борисоглебске Воронежской области. Там Лукич стоял к зданию местного партийного органа боком, при этом его лицо было обращено в сторону местного рынка, а указующая длань довольно точно указывала на тут же (неподалеку) расположенную городскую тюрьму. Верной дорогой идете, товарищи!» (Раздел «Истории остальные новые» от 27.08.2001 на сайте «Анекдоты из России»: <<http://anekdot.ru/an/an0108/t010827.html#62>>); «В Ногинске есть еще один памятник, где Ленин указывает на КПЗ» (ЖЖ-опрос: <http://community.livejournal.com/moya_moskva/2153807.html?thread=31835727>) и т.п.

Сравниться с ними по частотности упоминания в фольклоре о памятниках могут, пожалуй, только питейные заведения и винные магазины¹.

Фольклорные тексты, построенные как фантазия на тему взаимодействия памятника со знаковыми элементами городского пространства (в частности, ассоциирующимися с властью), многочисленны и неиссякаемы в той же степени, в какой и однообразны. Как правило, отправной точкой для интерпретации служит поза скульптурной фигуры, жест руки, направление взгляда, наконец, само местоположение или угол разворота монумента относительно некоторого городского объекта, как в следующем примере: «В Москве, на улице Тимирязевской долгое время жил и работал скульптор Вучетич. У него был собственный дом с невысоким забором. Во дворе дома Вучетич выставлял фрагменты созданных им в мастерской памятников. А поскольку забор невысокий, памятники прекрасно видны с улицы. Для одного из городов Вучетича попросили сделать огромный ленинский бюст, размером в несколько этажей. Работу он сделал, но принимать памятник город почему-то отказался — Ленин остался во дворе. А ровно напротив дома скульптора располагался местный райком КПСС. И из окон его была видна большая голова Ленина. Райкомовцам не понравилось, что вождь от них “отвернулся” и они приказали памятник перевернуть лицом. Но возможности такой не оказалось, и к памятнику сзади прибили фанерный щит. Чтобы не смущал»².

В.Ф. Лурье приводит распространенное представление о том, что после вхождения прибалтийских республик в состав СССР местные памятники были развернуты строго на восток, в сторону Москвы: «Если в монументе присутствовало тяжелое вооружение, то его, наоборот, от востока отворачивали»³ [Лурье 2003: 421]. Подобных апеллирующих к исторической действительности нарративов, в которых эпизоды биографии

¹ Ср., напр.: «В Суздале есть памятник какому-то князю, который указывает на виноводочный магазин, и местные шутят, что каждую ночь он делает малюсенький шаг в сторону магазина» (ЖЖ-опрос: <http://community.livejournal.com/moya_moskva/2153807.html?thread=31824207>); «В Туле можно воочию лицезреть памятник Л.Н. Толстому, народом любовно прозванный “Лев Толстой идет за водкой”. А все потому, что напротив — спиртзавод». (Комментарий в блоге пользователя Коли Калашникова (zabyg17): <<http://zabyg17.livejournal.com/109520.html?thread=3532496#t3532496>>).

² ЖЖ-опрос: <http://community.livejournal.com/ru_lenin/195384.html?thread=512568>.

³ Идея ассоциировать политический курс государства с пространственной ориентацией памятника оказалась востребованной и в постсоветское время. В сентябре 2007 г. в Киеве на Софийской набережной сторонники блока Юлии Тимошенко разбили палатки у памятника Богдану Хмельницкому и потребовали его демонтажа. Их возмущение вызвал тот факт, что «булава гетмана указывает на Москву». В качестве компромисса пикетчики согласились не разрушать памятник, но развернуть его в другую сторону со следующей мотивировкой: «Украина — европейское государство. И мы должны ориентироваться на Запад, а не на азиатские страны» [Загоруйко 2007].

памятника связываются с их расположением относительно других пространственных объектов, известно довольно много, и один из них — могилевская история о памятнике Гоголю.

Еще более продуктивной в традиции народной монументологии является жанровая модель юмористической миниатюры, в большей степени тяготеющей к шутке, чем к городской легенде с ее установкой на истинность и фабульной структурой повествования. Авторы небольшой статьи, посвященной текстам такого рода, определяют их как «анекдоты, представляющие собой сюжетную словесную интерпретацию локального скульптурно-архитектурного текста», под которым понимается «некий комплекс произведений скульптуры, обычно включающий более чем один монумент-памятник историческому лицу и прилегающий к нему комплекс архитектурных объектов, имеющий определенную функциональную предназначенность, которая и обыгрывается в словесном тексте анекдота». При этом исследователи подчеркивают, что «ни смыслового, ни художественного единства эти комплексы не составляют», а «смысловые связи между объектами как раз и устанавливаются в процессе порождения текста анекдота, который <...> как бы объединяет скульптурные и архитектурные объекты в единую композицию наподобие сцены из спектакля» [Ахапкин, Бурькин 2002: 55].

В качестве образцовой и в некотором смысле исчерпывающей реализации этой модели можно предложить один из приводимых авторами текстов — о петербургских памятниках Петру I (на Сенатской площади) и Ленину (у Финляндского вокзала): «Вот как правители обустроиваются и государством управляют: Петр сидит на коне, за спиной у него Исаакиевский собор как оплот православия, с одной стороны — Адмиралтейство, корабли строить и с миром торговать, с другой — Сенат и Синод, государством управлять, а рукой он указывает на университет и Академию наук — вот куда нужно стремиться. Ленин влез на броневик, с одной стороны у него — райком партии и тюрьма “Кресты”, негодных сажать, с другой — Артиллерийская академия, обороняться, за спиной — вокзал, чтобы, если что, бежать, а указывает он на Большой дом (здание управления КГБ — ныне ФСБ) — “все там будет!”» [Там же: 56].

Характеризуя эту традицию, В.Ф. Лурье пишет: «Памятник в городе не одинок, он вступает в некие отношения с окружающим ландшафтом. Многие статуи стоят, направив в какую-либо сторону правую (реже левую) руку [Лурье 2003: 421]. В некоторых случаях, когда скульптурный герой изображен в движении, в текстах-интерпретациях акцентируется его направление (как в случае со Львом Толстым, который «идет» за водкой на спиртзавод), однако значительно чаще снижающему

шутливому перетолкованию подвергаются жесты, в особенности указующий жест рукой — самый очевидный повод связать памятник с другим объектом. Однако в некоторых случаях для возникновения устойчивой шутки достаточно знания о том, как памятник сориентирован в пространстве, куда он повернут лицом, а куда — спиной. Выше мы приводили легенду о памятнике Ленину, отвернувшемся от райкома. Вот образец подобной шутки, где обыгрывается «тыловой фон» монумента: «Пушкин в Мск: перенесли, а потом, когда построили конц. зал “Россия”, шутили, что он “стоит спиной к России”»¹. В другой московской шутке в сферу интерпретации вовлекаются объекты и спереди, и позади памятника: «Снесенный памятник Дзержинскому — стоял лицом к Кремлю, спиной к Лубянке: сзади люди проверенные, впереди — проверять надо — из баек московских таксистов»².

В текстах подобного рода регулярно фигурирует также «взгляд» памятника. В другом тексте о московском Дзержинском это эксплицировано в большей степени: «В Охотном ряду памятник Ивану Федорову, на Лубянской площади памятник Ф.Э. Дзержинскому: Интерпретация текста — Иван Федоров: “Вот, книгу печатаю!”. Ф. Дзержинский, стараясь заглянуть ему через плечо: “А ну, что это у тебя там?”» [Ахапкин, Бурыкин 2002: 56]. Направление взгляда монумента в целом изофункционально указующему жесту: и в том, и в другом случае скульптурный герой как бы выделяет некоторый объект. «На площади Гагарина (рядом со станцией метро “Ленинский проспект”) памятник первому космонавту смотрел на Дом обуви. И была шутка, что космонавт смотрел на магазин и разводил руками от скудности ассортимента»³. «На фигуры политических деятелей (в этом плане) всегда обращали особое внимание — куда именно они показывают и смотрят», — пишет В.Ф. Лурье [2003: 421].

В некоторых случаях шуточной интерпретации подвергаются одновременно и направление взгляда, и указующий жест, что создает более сложную семиотическую конструкцию: «В Вильносе была площадь Ленина. Ну и как всегда там стоял Ильич. Стоял в своей классической позе, одна рука под мышкой, другая указывает вперед. И надо же так его поставить, что показывал он ровно на здание консерватории, рядом с которым находилось здание республиканского КГБ. А Ильич, показывая на консерваторию, смотрел на здание КГБ. Фишка в том, что

¹ ЖЖ-опрос: <http://community.livejournal.com/gorod_n/324547.html?thread=501699>.

² Раздел «Истории остальные новые» от 30.08.2001 на сайте «Анекдоты из России»: <<http://anekdot.ru/an/an0108/t010830.html#8>>.

³ ЖЖ-опрос: <http://community.livejournal.com/gorod_n/324547.html?thread=501955>.

Ландсбергис, человек, который заварил всю кашу в Литве по поводу отсоединения и независимости, является профессором музыки и в свое время учился и преподавал в консерватории. Так в народе, пока памятник не убрали, ходил прикол: “Ленин 30 лет показывал... проглядели”»¹.

Как нетрудно заметить, в могилевской легенде реализуются все те же мотивы, что и в приводимых выше текстах: в различных вариантах (см. гл. 4) акцентируется, что памятник Гоголю *стоит напротив* бывшей музыкальной школы, *развернут лицом* к ней и, наоборот, *повернут спиной* к мебельному магазину; что его *разворачивали* или *пытались развернуть* в другую сторону; наконец, что он *смотрит* на балкон предстоящего дома. Можно представить, насколько шире мог бы быть спектр этих вариантов, если бы памятник был ростовой; впрочем, отсутствие у скульптуры рук — сам по себе повод для фольклорных интерпретаций, коснувшихся и могилевского памятника (см. гл. 5.3).

Однако Могилеву-Подольскому в этом отношении не повезло: Гоголь стоит лицом к зданию, примечательному лишь в архитектурно-историческом отношении, а в функциональном плане — семиотически нейтральному. Чтобы «скульптурно-архитектурный текст» с участием столь заметного в городе монумента состоялся, необходимо было придать старинному дому нужный статус, наиболее соответствующий и ореолу — как бы «населить властью». Это, по-видимому, и вызвало к жизни *дом городничего (квартиру секретаря горкома, царское правление)*, а вместе с ним (с неизбежностью) и фигуру самого городничего, и всю историю его преступления и наказания.

Иными словами, если бы в здании напротив бюста Гоголя располагалась не безобидная музыкальная школа, а горком партии или магазин, банк или пивная, милиция или женское общежитие, то не было бы необходимости ни в фабульной структуре текстов, интерпретирующих расположение памятника, ни в их ретроспективной направленности и установке на правдоподобие. Эти тексты легко уместились бы в лаконичную модель: *X смотрит в сторону (указывает на, отворачивается от) Y, тем самым подразумевая Z*, где ни сущность городского объекта Y, ни высказывание Z, сообщаемое ему или по его поводу памятником X, не нуждаются в историческом комментарии в силу своей очевидности в рамках локального текста и / или общенациональной культурной традиции. Так диктуемая канонами городского фольклора необходимостью определенным об-

¹ Раздел «Истории остальные новые» от 30.08.2001 на сайте «Анекдоты из России»: <<http://anekdot.ru/an/an0108/t010830.html#13>>.

разом семантизировать местоположение, позу, направление взгляда памятника заставляет наполнить подходящим содержанием немаркированные или недостаточно маркированные в локальном тексте городские объекты, с которыми он пространственно соотносен, что превращает типовой анекдот или шутку о памятнике в оригинальное этиологическое предание.

Заключительные замечания

От несоблюдения сих замечаний может исчезнуть весь эффект.

Н.В. Гоголь, «Ревизор» (Замечания для господ актеров)

Попробуем подытожить наши наблюдения в нескольких тезисах, попутно указывая разделы статьи, содержащие соответствующие рассуждения и материалы.

1. Жизнеспособность нарратива, связанного с некоторым локальным объектом, в культурном обиходе города обеспечивается рядом поддерживающих факторов. С одной стороны, это факторы, определяющие статус самого объекта, степень и характер его актуальности для городского сообщества: его известность в городе, актуализация в различных контекстах городской мифологии и повседневности (*с площади Гоголя начинают городские наводнения* [5.3]), а если это объект, локализованный в пространстве, — его место в городе и в конкретном ландшафтном окружении (*памятник Гоголю развернут лицом к старинному зданию с балконом* [4.5]) [5.4]. С другой стороны, существен прагматический потенциал нарратива, реализуемый по-разному в рамках различных социальных дискурсов. Так, в краеведческих текстах история памятника используется как способ повысить культурно-исторический престиж города (*наш памятник Гоголю — первый в стране* [1.2]), а в советской периодике актуализируется также ее социально-политический подтекст (при царском режиме горожане высмеяли «хозяев города» с помощью комедии великого сатирика [1.1]), в то время как в устном бытовании она преподносится как рассказ о смелой шутке над местными властями, в соответствии с чем в большей степени разрабатываются мотивы, связанные с местоположением памятника напротив *дома городничего* [4.2–4]), а историческая привязка действия размывается [4.4].

2. Локальный текст города пронизан внутренними связями. Во-первых, это связи предметно-тематического характера, объединяющие нарративы, речевые формулы, стереотипные суждения и практики, связанные с одним объектом. Например, памятник Гоголю, заметный и семиотически нагруженный элемент городского ландшафта, фигурирует и в легенде

о спектакле и градоначальнике, и в других историях и суждениях о его появлении [5.2], и в шутке о том, кто в Могилеве не берет взятку, и в разговорах о наводнениях [5.3]. Эти связи предопределяют направления возможной группировки и циклизации текстовых единиц в процессе их воспроизведения (в разговорах, главах краеведческих работ, текстах экскурсий и т.п.), иначе говоря — синтагматику локального текста. Во-вторых, это смысловые связи между различными элементами локального знания, определяемые, в частности, их соотносительностью с той или иной семантической доминантой образа города. Так, упомянутая шутка о не берущем взятки бюсте Гоголя, рассказы о еврейском частном предпринимательстве в советское время и толки о том, что паника по поводу мнимого прорыва плотины была устроена намеренно, чтобы обеспечить провоз через таможеню запретного груза [Алексеевский 2008: 431–432], а также многие другие устойчивые нарративы и суждения, касающиеся различных предметов, соотносены с важной составляющей образа Могилева-Подольского — общей идеей об особой склонности жителей и властей города к махинациям, взяточничеству, теневым сделкам, решению любых вопросов в обход закона. Система этих связей формирует парадигматическую структуру локального текста.

3. Для городской культуры типична ситуация, при которой локальный исторический нарратив обращается в местном сообществе одновременно в книжной (краеведческие публикации) и устной (предания и анекдоты) формах. Публицистическая и фольклорная разработки сюжета могут совершаться вполне автономно, поскольку каждая осуществляется с опорой на свою традицию и использует соответствующие дискурсивные модели. Так, в устных рассказах, если они не опираются непосредственно на публикации, отсутствует обязательная для публицистических вариантов часть сюжета, связанная с постановкой «Ревизора» [4.2]. В свою очередь, авторы местных публикаций о памятнике Гоголю черпают материал, интерпретации и пафос друг у друга и из публикаций центральной прессы, меняя лишь отдельные акценты в зависимости от собственных предпочтений (например, упирая то на «фольклорность» легенды, то на ее «историчность») [1.2–4]. При этом краеведческая литература и устные нарративы обращаются в социальном пространстве города не изолированно и в некоторой степени трансформируют друг друга как на содержательном, так и на дискурсивном уровне. Это особенно хорошо заметно в тех случаях, когда автор / рассказчик того или иного варианта принадлежит к двум конвенциям одновременно. Например, рассказы учителей, журналистов и музейных работников, а также очерк из книги скульптора совмещают в себе как мотивы, ха-

раактерные для книжной версии легенды о памятнике (*идея создать памятник приходит во время скандала на спектакле* [1.1]), так и те, которые типичны для устных вариантов (*взгляд Гоголя приводит в шок градоначальника* [4.4]; *памятник разворачивают в другую сторону* [4.3]) [4.1, 1.5].

4. В структурном отношении локальные нарративы, равно как и неповествовательные тексты, возникают не с нуля, в их конструкции используются сюжеты, мотивы, текстовые модели, формулы, наработанные в рамках более широких культурных традиций. Так, в основу истории о постановке «Ревизора» в могилевском театре лег неоднократно воспроизводившийся в дореволюционной публицистике сюжет узнавания себя чиновниками в гоголевской комедии [3.1–3], а рассказы об установке бюста Гоголя напротив дома градоначальника восходят к традиции фольклорной монументологии, представленной многочисленными анекдотами и городскими легендами, обыгрывающими взаиморасположение монументов и зданий в городском пространстве [5.1, 5.4].

Появление единичных, в целом не характерных для местного репертуара вариантов означает лишь то, что из арсенала существующих форм были позаимствованы те, которые ранее не приурочивались к местному материалу, как в случае с трактовкой появления памятника писателю Гоголю по ошибке вместо памятника полковнику Гоголю [5.2]. Тотальная предопределенность местных сюжетов общекультурным фондом делает любой локальный нарратив типичным и узнаваемым. Вместе с тем каждый из них остается уникальным в силу его привязанности к конкретным реалиям данного города и включенности в систему конкретных идей, образов, сюжетов, формирующих специфику местного локального самосознания.

В какой степени верны и точны эти замечания, какие из сформулированных в них закономерностей имеют универсальный характер, а какие справедливы только для определенной группы случаев, насколько вообще правомерно делать подобные обобщения исходя из наблюдений, сделанных на материале одной городской легенды, — об этом можно будет судить лишь с появлением новых исследовательских этюдов, посвященных отдельно взятым фрагментам конкретных локальных текстов.

Библиография

Александрова Л. Кто ж его посадит? Он же памятник...: Мэры уходят, а монументы остаются // Областные вестн: [Волгоград]. 2009. 9 окт.

- Алексеевский М.* Слух о прорыве плотины // Алексеевский М.Д., Жердева А.М., Лурье М.Л., Сенькина А.А. Материалы к «Словарю локального текста Могилева-Подольского» // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 427–432.
- Алексеевский М., Лурье М.* Могилев-Подольский: особенности локального текста // Штетл, XXI век: Полевые исследования. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб, 2008. С. 196–198.
- Альошкина Д.А.* Обереги над Мурафою або душа Букатинського кам'яню. Кн. 1. Вінниця: «ПП Каштелянов», 2008.
- Антоненко А.* Верните Гоголя на место! // Деловое Поволжье. 2009. 28 сент.
- Ахапкин Д.Н., Бурыкин А.А.* Монументы и архитектурные объекты как исходная ситуация для текста анекдота: к проблеме межвидового текстопорождения в культуре // Анекдот как феномен культуры: Материалы круглого стола 16 ноября 2002 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 55–60.
- Ахметова М.В., Лурье М.Л.* Материалы бологовских экспедиций 2004 г. // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 336–357.
- Бондаренко А.* Отдай шашку, Василий Иванович! // Независимая газета. 2002. 28 окт.
- В центре Пензы рабочие откопали бюст Гоголя [09.08.2006] // «REGIONS.RU: Новости Федерации» (Общество, Пензенская область, Приволжский ФО, Культура): [web-сайт]. <<http://www.regions.ru/news/1997646/>>.
- Гартованова С.* Беспамятные... // Час. 2007. 18 апр.
- Горобець М.П.* Їх пам'ятає Придністров'я. Історико-публіцистичні розповіді. Вінниця: Державне обласне видавництво «Вінниця», 1993.
- Гуляева О.* Куда пропал первый памятник Гоголю в Екатеринославе? // Комсомольская правда — Украина. 2004. 2 апр.
- Загоруйко С.* БЮТ развернет памятник Хмельницкому на запад // Новости Украины и мира — газета «Завтра»: [web-сайт]. <<http://www.zavtra.com.ua/news/1/51168/>>
- Игнатьева Ю.* Какой Гоголь уместнее на Гоголевском? // Известия. 2008. 13 нояб.
- Игнатьева Ю.* Держите Гоголя! // Известия. 2009. 5 янв.
- Нестор Кукольник. Анекдоты // Курганов Е. Анекдот как жанр. СПб: Академический проект, 1997. С. 94–117.
- Кураев М.Н.* Два эссе: Памятник Гоголю // Зарубежные записки. 2006. № 7. С. 6–20.
- Лурье В.Ф.* Памятник в городе: ритуально-мифологический аспект // Современный городской фольклор / Сост. А.Ф. Белоусов, И.С. Веселова, С.Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2003. С. 420–429.
- Лурье М.* Одесса // Штетл, XXI век: Полевые исследования. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в СПб, 2008. С. 207–209.
- Назирев Р.Г.* Сюжет об оживающей статуе // Фольклор народов России. Фольклор и литература. Общее и особенное в фольк-

- лоре разных народов. Уфа: Башкирский университет, 1991. С. 24–37.
- Черти мешали открытию памятника Гоголю во дворе литературного музея в Одессе // Ревизор: всё об Одесской области. 2009. 1 апр. <http://revisor.od.ua/news/CHerti_meshali_otkrytiyu_pamyatnika_Gogolyu_vo_d-002573/>.
- На улице Шостаковича открыли памятник великому композитору // Программа «Петербургский час» на ТРК «Петербург — Пятый канал», эфир от 25 сентября 2009 г. <<http://www.spbtv.ru/new.html?newsid=3933>>.
- Неужто Петр Первый в самом деле Колумб? // Московская правда. 1996. 23 дек.
- Носов С.* Тайная жизнь петербургских памятников. СПб.: Лимбус Пресс, 2009.
- Памятник Н.В. Гоголю // Vladimird.ru: Город Владимир — сайт для жителей города Владимира и его гостей: [web-сайт]. <<http://www.vladimird.ru/monuments/gogol.htm>>.
- Памятник Ленину (Даугавпилс) // Википедия: Свободная энциклопедия: [web-сайт]. <<http://ru.wikipedia.org/>>.
- Пілецький М.* Легенда про пам'ятник Гоголю // Наддністрянська правда. 1984. 31 березня.
- Пілецький М.* Перший пам'ятник М.В. Гоголю // Наддністрянська правда. 1987. № 22.
- Пипия Б.* Памятники, которые исчезли (19.09.2007) // РИА Новости: [web-сайт]. <<http://www.rian.ru/ocherki/20070919/79488503.html>>.
- Погода Ю.* «Нельзя допустить глумление над Гоголем в Северодонецке»: Заявление русской общины Полтавской области [08.04.2009] // Русские на Украине: [web-сайт]. <<http://www.rus-ua.info/news/1053.html>>.
- [*Прохорова 2009*] Программа «В центре событий с Анной Прохоровой» на телеканале «ТВ Центр-Москва», эфир от 22 марта 2009 г. <<http://www.mosdepkultura.ru/smi/806/>>.
- Романчук Л.* Призрак Гоголя (Невыдуманная история) [18.05.2009] // Форум литературного конкурса «Гоголь-фэнтези 2009» на сайте art-krug.com. <<http://art-rug.com/sfSimpleForum/post/id/210>>.
- Сенькина А.* Помойна яма // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 424–425.
- Синдаловский Н.А.* В Питере не пьют только четыре человека... // Фонтанка.ру: Петербургская интернет-газета. 2003. 5 фев. <<http://old.fontanka.ru/2003/02/05/61593/>>.
- Синдаловский Н.А.* Фантастический мир гоголевского фольклора, или От носа Гоголя к гоголевскому «Носу» // Нева. 2009. № 3. С. 196–212.
- Третий памятник Гоголю так и не появится в районе Арбата // Вечерняя Москва. 2003. 22 янв.

Шишкин М. Вильгельм Телль как зеркало русских революций: опыт сравнительной монументологии // Иностранная литература. 2006. № 2. С. 257–263.

Barasch M. Icon: Studies in the History of an Idea. N.Y: New York University Press, 1992.

Сведения об информантах

1. Любовь, 1978 г.р., сотрудница Могилев-Подольского краеведческого музея. Записали М. Лурье, А. Сенькина в 2007 г. АРІ. МР_07_083¹.

2. Олеся Ивановна, ок. 35 лет, сотрудница Могилев-Подольского районного дома народного творчества им. М. Руденко, мастер народных промыслов. Записали М. Ахметова, М. Лурье, А. Сенькина в 2008 г. АРІ. МР_08_006.

3. Евгения Поликарповна, 1940 г.р., работник отдела культуры районной государственной администрации. Записали М. Алексеевский, А. Жердева, М. Лурье, А. Сенькина в 2007 г. АРІ. МР_07_063.

4. Александр Иванович (Инф. 1), 1948 г.р., журналист районной газеты «Слово Придністров'я»; Лариса Васильевна (Инф. 2), 1961 г.р., проживает в Могилеве-Подольском ок. пяти лет, редактор газеты «Слово Придністров'я». Записали М. Алексеевский, М. Лурье, А. Сенькина в 2007 г. АРІ. МР_07_132.

5. Варвара, участница интернет-форума «Могилев-Подольский On-line» <<http://mponlineforum.borda.ru>>, 21 октября 2008 г. ответившая на вопрос об истории памятника.

6. Две девушки, ок. 25 лет. Записали В. Бельтран и В. Дусявичус в 2008 г. АРІ. МР_08_030.

7. Дмитрий, 1960 г.р., художник. Записали М. Алексеевский, А. Жердева, А. Сенькина в 2007 г. АРІ. МР_07_017.

8. Михаил, ок. 20 лет, студент третьего курса политехнического института в Виннице, на каникулы приезжает в Могилев-Подольский. Записали М. Алексеевский, А. Сенькина, А. Жердева в 2007 г. АРІ. МР_07_062.

9. Татьяна Ивановна, 1954 г.р., администратор в гостинице. Записали М. Ахметова, М. Лурье, А. Сенькина в 2008 г. АРІ. МР_08_012.

¹ Здесь и далее в списке информантов приводится номер интервью по архиву центра «Петербургская иудаика» ЕУСПб (АРІ).

10. Вячеслав, 1972 г.р., бухгалтер. Записали М. Алексеевский, М. Лурье, С. Ямпольская в 2007 г. АРІ. МР_07_077.
11. Клавдия Израилевна, 1932 г.р. Записали Я. Войтенко, А. Гидон, В. Федченко в 2007 г. АРІ. МР_07_036.
12. Лариса Дмитриевна (Инф. 1), ок. 70 лет, врач; Клавдия (Инф. 2), ок. 75 лет, работала на фабрике нетканых материалов. Записали М. Ахметова, М. Лурье, А. Сенькина в 2008 г. АРІ. МР_08_132.
13. Водитель такси, работающий на железнодорожном вокзале. Текст услышан и записан по памяти М. Алексеевским в 2007 г. АРІ. МР_07_150.
14. Вика (Инф. 1), ок. 20 лет, переехала в Могилев-Подольский в 10 классе, официантка; Наташа (Инф. 2), ок. 20 лет, официантка, студентка заочного отделения Винницкого университета. Записали М. Лурье, А. Сенькина в 2007 г. АРІ. МР_07_141.
15. Геннадий, ок. 55 лет, водитель такси в Могилеве-Подольском. Записали В. Дымшиц, М. Каспина, С. Николаева в 2007 г. АРІ. МР_07_024.
16. Неля Львовна, 1934 г.р., работала заведующей библиотекой завода им. Кирова. Записали М. Маршак, С. Рейдер в 2007 г. АРІ. МР_07_082.
17. Юлия, 1986 г.р., преподаватель украинского языка и литературы в техникуме. Записали М. Ахметова, А. Сенькина в 2008 г. МР_08_018.
18. Петр, 1960 г.р., бизнесмен. Записали М. Ахметова, М. Лурье в 2008 г. АРІ. МР_08_148.
19. Аркадий Ильич, 1953 г.р., слесарь. Записали М. Каспина, С. Николаева, С. Ямпольская в 2007 г. АРІ. МР_07_026.
20. Николай Сергеевич, ок. 60 лет. Записали М. Ахметова, А. Жердева в 2008 г. АРІ. МР_08_052.